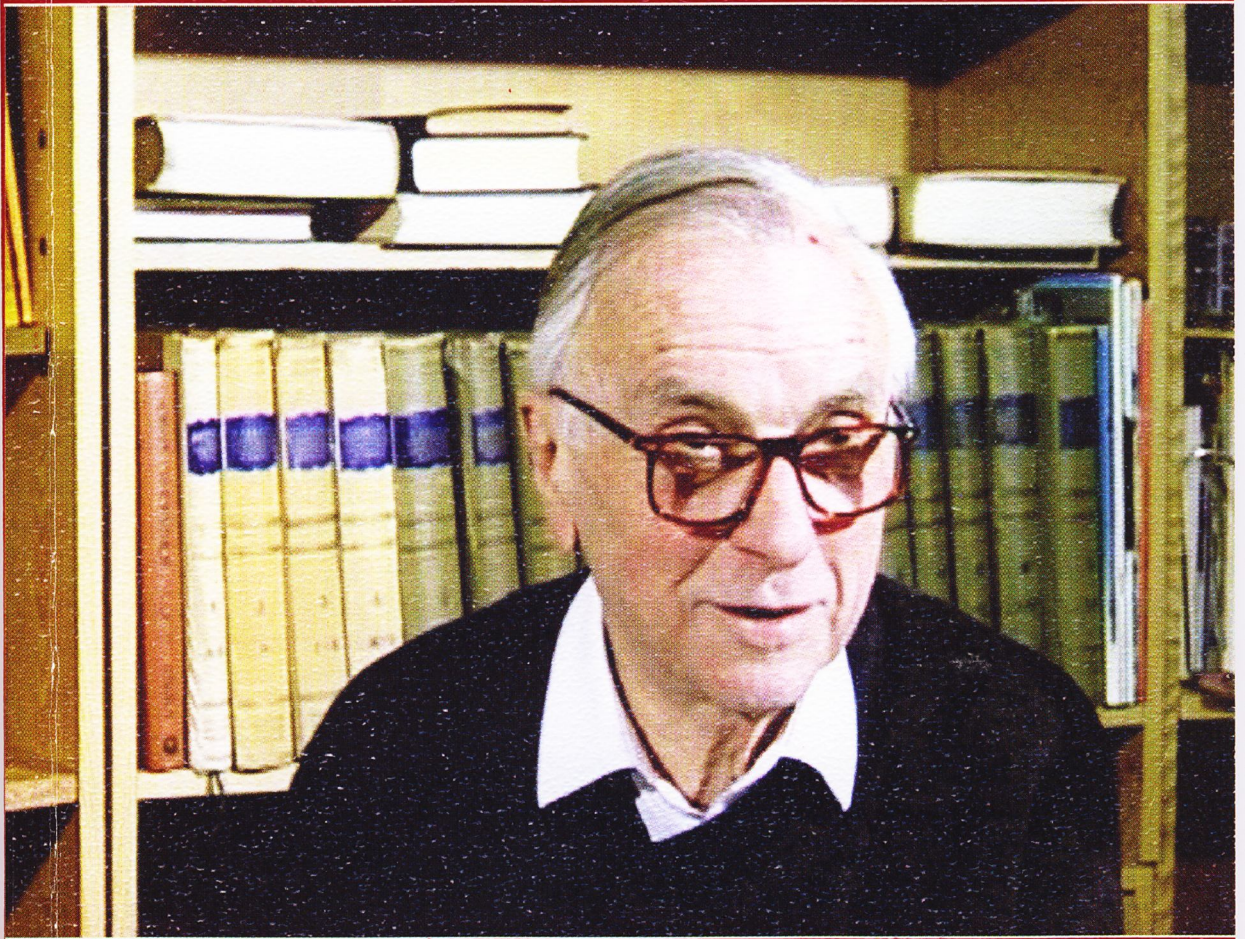

АВТОБИОГРАФИЯ

рядового иезуита
отца Алексея Стричека

Автобиография написана по желанию настоятелей

Новосибирск

Автобиография о. Алексея Стричека – это удивительный документ, написанный удивительным человеком. Отец Алексей родился в начале прошлого века в Словакии, а в середине 30-х годов оказался в числе первых воспитанников института «Руссикум» в Риме. Эти юноши из разных стран с огромным энтузиазмом готовились к будущей миссии в России, они были полны решимости принять венец мучеников. Они ждали, надеялись и верили, что настанет день, когда Россия вновь обретет свободу, и они смогут возвещать Евангелие, заново отстроить христианскую духовность, разрушенную атеизмом. Этого момента о. Алексею пришлось дожидаться почти 60 лет. За это время он успел «попартизанить» в Бельгии и Франции, помогая силам Сопротивления в годы Второй мировой войны, поработать в Руссикуме, затем – в русском центре в Медоне, где он обучал русскому языку эмигрантов из России, но также, между прочим, и первого французского космонавта, написать несколько научных трудов...

Приехав в Россию в середине 90-х, о. Алексей сразу же включился в исполнение важнейшей миссии, передавая эстафету отцов Руссикума новым поколениям российских священнослужителей. И сегодня, в свои 93 года он всё так же полон юношеского энтузиазма, всё так же отдаёт всего себя работе на благо Церкви и людям.

Думается, что книжка о. Алексея будет интересна не только тем, кто интересуется историческим феноменом «русского католицизма» XX века, но и тем, кто ищет ответ на вопрос: «что значит быть христианином сегодня?»

Издатели

Уезжая из Франции в Сибирь, я должен был освободить свою комнату. В двух баках вынес в мусор, письма, фотографии, университетские записи, статьи. Самое необходимое уложил в чемодан, и с компьютером в рюкзаке отправился в аэропорт.

В Новосибирске я вкратце рассказал моим новым собратям, кто я, чем занимался в жизни. Нашего настоятеля Ежи Карпинского заинтересовал мой жизненный путь, и он предложил мне изложить его в формате автобиографии. Как монах, выполняющий желания настоятеля, я сел за компьютер.

Дневника я никогда не вел, и пришлось восстанавливать в памяти события и лица, которые могли бы заинтересовать российских читателей.

Это значило оставить в стороне упоминание о премногих французских и других иностранных друзьях и учениках, рассеянных по всем континентам. Они навещают меня в Сибири, их жизненный путь мне дорог, но, увы, своих имен они не найдут на страницах моей книжки. Ибо *Est modus in rebus*, всему есть мера.

Новосибирск 4 мая 2009

АВТОБИОГРАФИЯ **рядового иезуита отца Алексея Стричека**

Автобиография написана по желанию настоятелей.

Национальность

Первым делом люди хотят знать, какой ты национальности. Я родился в словацкой семье 21 июня 1916. Официально был венгром, гражданином венгерской части Австро-венгерской империи. Село наше по-местному называлось Чёрне, но в документах писалось по-венгерски «Фекетесорош». Чёрне (сейчас Чиерне) расположено на южном склоне польско-словацкой границы. Местность гористая, лесная. Люди жили скотоводством.

Когда была создана Чехословакия, всё венгерское ушло в прошлое, венгерские книги сжигались, а в школе стали учить только словацкому языку. Мы осознали, что мы славяне, словаки.

РЕЛИГИЯ

Сознательно или подсознательно, люди считают вас своим или чужим в зависимости от ваших верований. Тут скажу вам прямо: я – римский католик. Таким меня крестили. Выбирая имя, отец взял календарного святого дня, Алоизия, в крае почти неизвестного. Алексеем я стал в монашестве. Семья, отец, мать, моя сестра и я регулярно ходили на все приходские церковные службы, благо наш дом стоял недалеко от церкви. Мальчиком я прислуживал в храме и общался с тремя нашими приходскими священниками. Папа дружил с настоятелем храма. Дома всей семьёй перед сном на коленях мы читали вечернюю молитву. Мама за работой всегда пела церковные песнопения. Любила читать религиозную литературу. Помогала неимущим. Я не помню, чтобы когда-нибудь она плакала, во всяком случае, не перед нами. Отец обладал сдержанным характером. Никогда я не слышал, чтобы он повышал голос, кричал. За столом забавлял нас смешными историями, а мама прибавляла к ним свои прибаутки. Мораль для родителей была незыблемой очевидностью.

ДЕТСТВО

О своём прошлом отец не распространялся. Когда при венграх происходила сплошная «мадьяризация», и для поступления в государственные учреждения необходимо было мадьяризовать и свою фамилию, он с братом отправился за счастьем в Америку. Там они работали на шахтах. Отец набрался американского жизненного опыта, заработал приличные деньги и вернулся на Родину. Понятно, приехал он при галстукке, в шикарном пальто, с вечным пером в нагрудном кармане. Женился. Был отправлен на восточный фронт защищать интересы императора Франца-Иосифа. Брат его остался в Штатах, завёл семью в Пенсильвании, стал отцом многочисленного семейства.

Про войну от папы я ничего не узнал. Как-то мимоходом он сказал, что на фронте русские стреляли по ним с криком: «На, австрияк!». И ещё, что только каким-то чудом он не погиб в Пинских болотах. Шкатулку с его медалью я потом нашёл в чердачном хламе.

Вернусь к первым годам. Отца я помню уже железнодорожным служащим. Помню ещё, как он, взамен венгерской, зубрил чешскую терминологию, когда, окончательно, установились новые порядки. Словацкой терминологии тогда ещё не существовало.

Мы жили сначала на пограничной станции Скалите, и музыкальным фоном первых моих годов был визг и вздохи паровозов, стук вагонов и свистки кондукторов.

Одна встреча запечатлелась на всю жизнь. Совсем крошкой я стоял у ручья, и напала на меня тоска. Я разревелся. По мосту шёл секретарь нотариуса, молодой ещё еврей. Спустился с моста и стал утешать меня, никому не нужного мальчика.

Было и другое. В одном доме показывали мне, малышу, альбом с обнажёнными, в непристойных позах женщинами. Хозяева дома показались мне нехорошими.

В Чёрне мы переселились, когда отец построил там дом на собственной земле. У нас было своё хозяйство, скот. Мать работала с прислугой и подёнщиками.

После священников, директора школы и начальника станции, отец был важнейшим человеком в нашем большом селе. Он одевался по-городскому, и меня на примерку одежды и обуви возил в город. Моё красивое зимнее пальто в школе мальчики расстелют на парте, и большие пуговицы разобьют палкой.

Чем-то новым повеяло на меня, когда привезли меня в город, а на вокзале я увидел разноцветные вагоны с табличками: Berlin, Budapest, Bucaresti, Beograd, Istambul, Wien, Praha.

Рос я несколько самолюбивым мальчиком, обожаемым родными, любимчиком учительницы. В играх деревенских одноклассников участия не принимал. Мечтал, созерцая небо и проплывающие облака. Поражала природа, цветы, ручьи. Ходил один по лесам, пил ключевую воду, ел малину, собирал попадавшие грибы. Общался с парнями и девушками, пасущими коров.

Мир этот был и оставался неизменно прочным, как эта наша сельская, каменистая дорога. По ней я бегал босиком, ушибался до крови, но потом с перевязанной ногой подпрыгивал беззаботно.

Своё детство я вижу в розовом свете и могу сказать вместе со Львом Толстым: «Счастливая пора!»

Долго я не подозревал, что я – дальтоник. Когда говорилось о красках, мне казалось, что люди чуть фантазируют. Когда говорилось о радуге, я не улавливал всех её цветов. До сих пор описания неба и природы оставляют меня равнодушным. Сейчас у меня на столе великолепный альбом Алексея Васильевича Каменского, хочу поздравить с выходом в свет. Но для его абстракции я, как слепой.

ГИМНАЗИИ

Папа решил дать своему сыну солидное образование. Для этого необходимо было послать меня в хорошую городскую школу, чтобы потом меня приняли в гимназию. Итак, с девяти лет я жил вдали от родителей, и с тоской ждал каникул: рождественских, пасхальный и летних. На пансион меня поместили в интернат, где немецкие и венгерские монахини по-матерински воспитывали мальчиков и девочек. Раз в месяц нас бросали в ванну и смывали мальчишескую грязь. Только с языком у них не получалось. Однажды нам не понравилось мясо. Сестра жаловалась: «Такво добро свинско меесо они не хоцу!» О наших душах заботился

внимательный молодой священник. Ежедневно мы в прекрасном храме интерната, стилия барокко, присутствовали на мессе, причащались.

Гимназии в ближайших городах не было, и отец повёз меня в Трнаву, где жили наши дальние родственники. Поездом, с двумя пересадками мы ехали полдня. Предстоял вступительный экзамен. Народу – родителей и школьников – полный двор. В час дня объявляют результаты письменного экзамена. Моё имя среди тех, кто принят без устного.

Жил я в Интернате, но там мне не понравилось: плохо и мало кормили, и я перешёл жить к родственникам.

Из-за многих прекрасных соборов Трнаву зовут словацким Римом. Я часто прислуживал в старинном готическом соборе, где в мае месяце читался на немецком языке «розарий Девы Марии». В полумраке горят свечи, и тебя уносит далеко от мира сего. Я регулярно ходил на исповедь в иезуитский храм. Там я слушал изумительного проповедника отца Чамбала. Народ его любил, так как он говорил на понятном всем местном диалекте. Мне врезалась в память его вдохновенная похвала Святому Алоизию, моему покровителю.

Обучение во всех школах было смешанное. С трнавской гимназией связана моя первая любовь. Мечтательная, так как с этой златовласой одноклассницей поговорить я стеснялся. Да и пришлось покинуть Трнаву.

По совету друга папы, священника, меня перевели в другой, ещё более древний город Нитру. Мы жили небольшими группами в больших залах здания барочного стилия. Подружились на всю жизнь.

Гимназия была строгая, на уроки мы ходили со страхом и трепетом, так как отчисление ставило крест на дальнейшем обучении в государственных школах этого типа, а частных не существовало.

Негласно, но фактически, интернат был создан, как питомник будущих семинаристов. Четверо из нас гимназистов решили доучиваться в городе Тренчин. Двое из них, Доминик Татарка и Альфонс Беднар прослынут виднейшими в стране коммунистическими писателями. Знаться со мной больше не захотят. В Москве выйдут переводы романов Татарки.

Тренчин также исторически важный и красивый город. Для нас это были годы бурной молодости. Бурной-то не чересчур. На одной квартире мы долго не оставались, переходили на лучшую. Чтобы пополнить бюджет, я давал частные уроки, а потом был гувернантом двух мальчиков в одной семье. Они возили меня с собой в столицу страны Прагу.

Я много путешествовал. У членов семей железнодорожников были бесплатные или очень льготные билеты. Я изъездил Чехословакию, побывал в гитлеровском Берлине. В Гамбурге я видел живого негра, ел бананы.

Для практики в немецком языке, я провёл месяц в чешских Судетах. Это была культурнейшая часть Республики. Люди там ненавидели чехов. Народ, особенно женщины, со слезами распевали «Deutschlad, Deutschland ьber Alles». Имели свои школы, в Праге - Университет, свой театр. Даже в чешском, Карловом Университете, от студентов требовалось знание немецкого языка.

В Тренчине я много играл в театре, однажды первого любовника. Не забуду никогда ужас партнёрши, когда я подошёл к ней для поцелуя. Это был первый её поцелуй. Комик я был неважный. В кружке Alliance franzaise мы играли по-французски сцены из Мольера. Мой первый, светский банкет: я ужинал у директора французской текстильной фабрики Тибергьен. Нам наливали в бокалы

шампанское, мы курили крупные сигары. Мадам обнимала меня, а дочка просто осыпала поцелуями.

Мы учились танцевать в платном кружке. В моде было танго, но я отличался вальсированием.

В старших классах учились уже гимназисты семнадцати-восемнадцати лет. Относительно нравов: девушки и парни оберегали своё целомудрие. Хвастунам в этой области мы не верили или внутренне осуждали. Мы ходили по воскресеньям на мессу, и в кануны Рождества и Пасхи - на исповедь.

Для экзамена на аттестат зрелости нас поделили на латинистов и математиков. Латынь я знал хорошо. Любил римских поэтов. И к ужасу моему, вследствие некоей мести, меня зачислили в группу математиков. В классе мы проходили дифференциал, страхование и прочее, области, где я просто плавал. Мне угрожал провал и печальная перспектива остаться на второй год. Что скажет папа?

В последний момент меня спас преподаватель религии. Сел за столик учителя математики и списал приготовленную для меня задачу. На устном я не засыпался, но меня пошерстила преподавательница биологии. А ведь я выбрал тему по её предмету, и моё сочинение по мимикрии комиссия сочла лучшим, вместе с сочинением по литературной критике Доминика Татарки.

В РИМ

У меня был аттестат зрелости. Отцу я сказал, что поступаю на юридический факультет в Прагу. Так предполагалось, но получилось нечто совершенно неожиданное. В гимназии вероучение преподавали католический священник, протестантский пастор и еврейский раввин.

На последнем уроке священник прочёл нам письмо от Папы римского. В нём говорилось, что Советы уничтожили в стране католический клир, и надо предвидеть время, «когда Россия откроется», и что в Риме создана семинария, под названием «Руссикум» для подготовки будущих священников. В Словакии мы были «панславистами», видели в России будущее славян. У нас были уроки старославянского языка.

На выпускном балу я объявил, что еду в Рим. На пробу. Если не понравится, вернусь. Некатоликам следует объяснить, что священство считается высшим идеалом жизни католика. В воскресных проповедях часто говорится о «призвании», то есть о призыве Иисуса Христа следовать за Ним. Целибат, безбрачие, является обязательным условием принятия священнического сана и в то же время некой его аурой. Священниками стало пятеро моих одноклассников.

Я связался с Руссикумом. Был принят, и поехал. Мой отец, либерал, сказал: «Воля его!». Побывав в Венгрии и Далмации, я отправился в Вечный город.

Хотя была уже осень, Руссикум был ещё на каникулах, семинаристы отдыхали в Гаете, на берегу моря, откуда был виден дымящий Везувий.

В Риме брат-эконом выделил мне комнату и накормил. Выхожу в коридор, и мне навстречу идет стройный, пожилой священник. Любезно спрашивает меня, кажется по-французски, откуда я, мило беседует со мной. На следующее утро брат сообщает мне, что священник, с которым я говорил накануне, скончался. Это был князь Александр Волконский, богослов, автор знаменитой книги «Католичество и Священное Предание Востока». На отпевание собралось много народа, многочисленное местное русское дворянство. Меня одели в стихарь, показали, как держать свечу и подавать кадило.

После похорон брат одел меня во всё семинаристское и посадил на поезд. На станции в Гаете я нанял фиакр и прибыл на руссикумскую дачу.

Гостеприимно улыбаясь, меня встретил и накормил брат-повар по имени Франческо.

Вернулись с купанья дачники, отцы и семинаристы. Среди них сразу выделился живописный отец Александр Сипягин. Он был двоюродным братом министра внутренних дел, убиенного революционером-эсером. Сам же был парламентарием царской Думы. Стал католиком, а после трагической смерти жены и дочери, поступил в семинарию в Инсбруке. Священником работал среди приволжских немцев. Много повидал на своём веку. Рассказывал, как летал на цеппелине, где на закуску подавали «малозол». Однажды объяснял нам особенности русской кухни, что такое борщ, рассольник, и вдруг лицо его просияло блаженной улыбкой: «Русский поросёнок с хреном! Господа, это – да!»

Но лицо его ещё блаженнее сияло в церкви на вечернем молебне Пресвятой Деве Марии. Дача, в которой мы жили, соседствовала со старинной монастырской церковью. При лучах заходящего солнца семинаристы пели умильное «Под Твою милость». Впервые слышу русское церковное пение. Оно как-то особенно звучало в этих древних стенах. Оно стало созвучным мне на всю жизнь.

Оставим Гаэту, припомню только плаванье на лодке, сконструированной семинаристом, голландцем Гельвегеном.

РУССИКУМ

На Родину я не вернулся. Как ни любил я отца, мать и сестру, как ни был любим ими, я последовал многократно слышанному и вдруг внутренне услышанному слову Христа: «Иди за Мною!» (Мф 8, 22)

Безусловно, этому сугубо духовному импульсу сопутствовали и чисто человеческие мотивы. Ведь и Апостолам Христа они не были чужды, сами долго мечтали о царстве земном. Было и у меня на уме многое. Юношеское, романтическое желание героизма «умереть за Христа». Слава древнего и нового Рима. Реальная вселенскость Католической Церкви. Моральный авторитет папства во всём мире. Это как в музыке, где неоднородные обертоны усиливают звучание основного тона.

Руссикум - это большое строение, воздвигнутое стараниями Папы Пия XI-го в конце двадцатых годов недалеко от знаменитой базилики Девы Марии Santa Maria Maggiore. В комплекс здания входит старинный храм святого Антония Великого, реставрированный в русско-византийском стиле с иконостасом художника Мальцева.

Коллегия Руссикум

О Руссикуме много писалось и пишется. В советской брошюре «Чёрная рать» читаем, что в его подвалах эмигрантские офицеры обучали семинаристов стрельбе. На самом деле в здании шла учёба и молитва.

Поступив в эту семинарию в 1934 году, я вошёл в группу первых её учеников. Нас было около тридцати человек различных национальностей. Треть из них были русскими. На долгие годы я подружился там с Андреем Урусовым и Сергеем Оболенским.

Учась в Руссикуме, я не испытывал строгости дисциплины и не замечал ограничений личной свободы, обязательной для всех римских семинаристов: ходить в жару в подряснике, пелеринке и широкой шляпе, выходить всегда с напарником, возвращаться не позже шести вечера. Запрещено было посещение кино и кафе под угрозой отлучения от Церкви. Переписка контролировалась ректором. Соблюдался строгий пост в четырёхдесятницу.

Все эти ограничения свободы переносились воспитанниками с некоторой долей юмора.

Духовенство Папской семинарии РУССИКУМ 1930 г. Фото А. Волконский

В самом начале вызвал меня эконома и спросил, кто будет оплачивать моё содержание в семинарии, моя епархия или родители. Так как я уехал в Рим без

ведома своего епископа, я написал об этом отцу. Он согласился ежемесячно высылать некоторую сумму денег по указанному ему адресу.

Ректор нас наставлял: «Ваша задача – помогать православным быть хорошими христианами». Мы были исполнены желанием принять любые испытания, даже отдать жизнь за Христа. Так и произошло. Многие студенты Руссикума, впоследствии очутившиеся на территории, оккупированной Советами, отбыли в лагерях многолетние сроки, а некоторые были расстреляны или пропали без вести. Мой хороший друг, Федор Ромжа, был канонизован Папой Иоанном Павлом II-ым.

Я учился на философском факультете Григорианского Университета. Система обучения там была схоластическая, её нам в гимназии высмеивали. Преподавание шло на уже знакомом мне латинском языке. Были лекции скучные, были и интересные.

Некоторым русским приходилось туго. Но Оболенский, Урусов, Кулик, Рошко, учившиеся до этого во Франции, или одессит Перницкий, обучавшийся в Германии, сдавали экзамены без особого труда.

В Руссикуме нам читали лекции по литургике, русской истории и коммунизму.

В Университете с нами учились студенты из всех стран мира. В аудитории, рядом с «руссикумцами», сидели американцы. За месяц до экзаменов мой сосед из США принёс все учебники в кожаных переплётках с золотым обрезом. На одном листе бумаги вывел количество книжных страниц, подсчитал, сколько их выучит в день. Это американское программирование меня просто повергло в шок. Вот, что значит быть американцем! На экзамене по истории философии он шёл впереди меня. Берёт билет с вопросом, читает, думает, и, вместо ответа, издает всего-навсего продолжительное «Ээ...!» Тут я усомнился в эффективности американской системы.

ОСТРОВ ЭЛЬБА

Лето 1935-го года мы провели на острове Эльба. Там Ватикан купил для Руссикума гостиницу Villa Ottone на берегу островной бухты. Был свой песчаный пляж, за гостиницей простирался пальмовый лес. Мы ходили смотреть дом, в котором в 1814-15 годах жил ссыльный тогда Наполеон.

Нас пригласил отобедать у себя автор книги «Наполеон на Эльбе». Это был важный настоятель собора в портовом городе Портоферрайо. Роскошно накормил, напоил вином из своего погреба. Бифштексы были в целую большую тарелку. Завязалась интересная беседа. Вдруг почтенный аббат закрывает глаза и засыпает на своём месте. Мы недоумеваем, неужели он такой невнимательный к гостям священник? Поспав с полчаса, он открыл глаза и, как ни в чём не бывало, продолжил разговор.

Мы, невежды, не знали, что такое итальянская «сиеста», обязательный послеобеденный отдых. Не замечали ли мы, что в это время на улицах Рима не увидишь настоящего итальянца?

Однажды в Париже проходил какой-то международный конгресс. Послеобеденное заседание было назначено на 15 часов. Итальянцы явились ровно в три, уселись и ... блаженно сомкнули глаза.

Где только не встретишь русского человека! Во время экскурсии приходим в одну деревушку. Итальянцам уже известно про нас. Спрашивают: «У русской синьоры были?» Показали дорогу. Мы очутились возле роскошной виллы. На шезлонге лежит миловидная блондинка. Оказывается, что её муж – владелец

мраморных копей. Вливаем в себя стакан за стаканом горячего чая, поём с хозяйкой «Реве, те стогне». Потом плывём на моторной лодке к нашей Villa Ottone.

Одним туманным утром мы просыпаемся, а в бухте стоят военные корабли. Эльба – военно-морская база. Узнаём позже, что властям не понравилось пребывание странных иностранцев в столь важном стратегическом пункте. Шла война с Абиссинией. Дача была ватиканской собственностью, и по просьбе Муссолини была перепродана итальянцам. Это был первый подобный случай с подписания Латеранского соглашения.

В Риме проводились патриотические манифестации. По улицам маршировали подростки в военной форме, с мини-винтовками на плечах. Однажды мы ехали поездом. Группа мужчин поет фашистскую песню «Facetta nera» (Чёрное личико). Горланят: «Едем в Абиссинию», а на своём полустанке спокойно покидают поезд.

Против Италии были введены экономические санкции. В них участвовал и Советский Союз. Прекратился ввоз кубанской муки, столь важной для изготовления хороших макарон. Что для итальянца может быть хуже липких и серых спагетти!

Май 1936 года. Выхожу из Университета, и на площади Венеция, вижу огромное стечение римлян. На балконе Палаццо Венеция – дуче Муссолини. Произносит всего восемь слов, но каждое прерывается нескончаемыми аплодисментами. «Romani, la guerra è finita. Abessinia è nostra». (Римляне, война кончилась, Абиссиния наша). Это было только взятие столицы Аддис-Абебы. Народная масса ликовала, хотя я не раз встречал и негодующих итальянцев, особенно среди интеллигенции.

Возврата на Эльбу больше не было, и для нас приобрели дачу на Адриатическом песчаном побережье Апеннин в Розето. Немилосердно кусались комары, злые дзандзары. Мы спали под сетками, комары долго жужжали вокруг сетки, пока не отыскивали в ней малейшую брешь.

Мы поднимались на высокую, заснеженную вершину Гран-Сассо-д'Италия. (2914 м.). Под самой вершиной мы отслужили Литургию. Спускались по фирновому льду на палках. Моя палка сломалась, я полетел вниз. Мне угрожала неминуемая смерть, но сбоку подскочил, уже спустившийся вниз один наш священник, англичанин Вилькок, он и задержал меня. Этот британец усердно изучал русский язык, и повторял: «Чудный язык». В похвалах русскому языку он вовсе не соперничал с каким-нибудь заядлым русистом, а просто не мог правильно выговорить слово «трудный».

Шли мы как-то по морскому берегу. За нами бежит итальянец в штатском и кричит: «Падре!» Нас ведёт англичанин, и, как следует воспитанному джентльмену, не реагирует на зов сзади. Человек добегаёт и требует наши паспорта, ведь идёт война, а берег - зона пограничная. Мы говорим, что паспортов с собой не носим. Тут он спрашивает каждого из нас, какой он национальности. Ну, говорим, итальянец, немец, чех, русский ... Дошло до британца Вилькока. Не скажет же он «англичанин», они ведь Англия против войны Италии в Абессинии. «Я иезуит», - говорит он. А итальянец: «Падре, вы иезуит! Тыщу, тыщу извинений! Я учился здесь в колледжо у ваших отцов». Отбежал.

В Общество Иисуса

Руссикум стал моей семьёй. Все мы подружились. Однако, несмотря на всё бесконечно мне дорогое в семинарии, осенью 1936 года я попрощался с

Руссикумом, вовсе не для того, чтобы вернуться на Родину. Ежегодно в семинарии совершались так называемые «духовные упражнения». Под руководством особого наставника мы проводили восемь дней в полном молчании и молитве. Начиналось с покаяния, хорошо подготовленной исповеди, затем занимались медитацией, «умной молитвой» и старались упорядочить свою жизнь по-евангельски. У меня появилось желание более тесно посвятить себя служению Христу.

Поступить в монастырь? В какой? Я бывал в бенедиктинском монастыре. Старинные стены. Внутри - двор с резными мраморными колоннами. Посреди - клумбы цветов, освежающий воздух фонтан. Показывают мне библиотеку, архитектурный храм науки. Вижу современные энциклопедии, разнообразную литературу. Есть инкунабулы с причудливыми миниатюрами. Вхожу в просторную романскую церковь. Тихо звучит орган, монахи в унисон поют антифоны по грегорианским мелодиям. Тихая пристань, где сможешь прославлять Всевышнего.

Но выбор пал на орден иезуитов, официально называемый Обществом Иисуса.

Руссикум, 1938 г.

Руссикум и Грегорианский Университет был в руках иезуитов. С ними я жил, у них учился. Они поражали меня своим искренним благочестием, учёностью, братской или отеческой любовью и жизнерадостностью. И не только меня. В Общество за два года, кроме меня поступило трое руссикумцев: русские Андрей Урусов, Георгий Коваленко, бывший советский армянин Аладжяджян и австриец Густав Веттер. Радостным, всегда бодрым был и ректор, отец Филипп де Режиc, потомок старинной дворянской фамилии, типичный французский южанин. Его семья дала Церкви прославленного своими проповедями иезуита, святого Франсуа де Режиc.

Отец Филипп, эрудированный гуманист, молитвенник с детской душой, играл с нами в волейбол, с рюкзаком на спине водил экскурсии. Умел миролюбиво увещевать.

Несколько молодых иезуитов-руссистов проводили с нами каникулы. Они жили в другом доме города, имели свою часовню восточного обряда. Были старше нас и более искусные в духовной жизни. Среди них выделялся Виктор Новиков. Он, как и итальянец Педро Леони, армянин Аладжаджян, и польский американец Чишек, отбудет свой срок в лагерях. Сейчас идёт процесс беатификации Чишека, процесс трудный, так как свидетелей его пребывания в заключении давно нет в живых. Но, воспоминания Вальтера Чишека, переведённые на многие языки, удивительный рассказ о внутренних переживаниях иезуита, в одиночной камере и в лагере.

Не буду распространяться о судьбе других, которым дано было испить чашу Христову. Кто напишет об их судьбе?

Новициат

Чтобы окончательно стать членом Общества Иисуса, кандидатам надлежало пройти так называемую «пробацию», двенадцать-тринадцать лет учебы и апостольской практики: два года новициата (послушничества), три года философии, два-три года - практики, четыре - богословия с рукоположением во священники, и десять месяцев интенсивной духовной жизни, «третью пробацию». Тогда только приносились последние, торжественные обеты. В последнее время учебный курс несколько изменился.

В послушники я был принят без предварительных собеседований. За два года отцы, успев узнать меня, отправили в новициат. Это два года жизни в «тихой обители», иезуитской.

Предполагалось устроить специальный русский новициат восточного обряда в одной из славянских стран. Выбор пал на Загреб, столицу Хорватии, входившей тогда в состав королевства Югославии.

Побывав у своих родных, я прибыл в Хорватию. До этого я провёл неделю в Медлинге близ Вены у родителей руссикумца, уже священника, отца Густава Веттера. Он также направлялся в Загреб.

У Веттеров я был свидетелем беседы Густава со своим братом, преподавателем философии. Совершенно в стиле Ивана Карамзова он долго ниспровергал католицизм своего братишки. Тот слушал молча.

Мы начали «русский» новициат вдвоём, под руководством добрейшего отца Стефана Сакача, балканолога. С ним мы отправляли все службы по восточному обряду. Хорватских послушников было человек пятнадцать.

Кончал своё двухлетие регент хора. Меня поставили на его место. Уезжая, он указал мне, как давать такт руками: двух, трех, четырёхкратный. Я поупражнялся. Идёт служба. Начинается пение. Управляю. Вдруг я запутался, замахал руками не в такт. Орган играет, певчие продолжают петь, ведь старшие уже сто раз пели этот гимн «Tantum ergo». Какой позор для меня! Заставили меня, неудачника, продолжать ещё несколько дней, а когда я стал нормально отбивать такт, заменили меня человеком, умеющим управлять хором. Этот «искус» настоятель придумал, чтобы приучить меня к смирению. Все замечали, что, будучи старше других, я давал понять, что изучал философию, знал языки и много уже путешествовал...

Вызвали меня однажды в приемную. Один руссикумец из русских, покинувший семинарию, радостно жмёт мне руку. Спрашивает: как живу, чем мы занимаемся. Какие богослужения? Восточные? Прошло некоторое время. Мы с Веттером уже свободно говорили по-хорватски, привыкли к особенностям сербской кириллицы. Тут настоятеля зовут в паспортный стол: нам, «восточным» послушникам, дан

приказ покинуть страну. Иезуиты не учли политику православного короля Югославии. Не было сомнения, что это мой недавний посетитель доложил, кому следовало.

Новициат в Аричче

Год 1937. Я опять в Италии, в итальянском новициате, в римском пригороде Ариччиа. Вечная весна: зимой не холодно, а летом не жарко. Вид на Рим и на море. Недалеко папский дворец Кастель Гандольфо, живописные озера Неми и Альбано.

В группе двадцати молодых итальянцев, нас, восточников, было трое: армянин Аладжаджян, Георгий Коваленко и я. Веттер, будучи уже священником, прошёл только год новициата и стал писать в Риме докторскую. Потом в Китае его труду о марксизме дадут высокую оценку и переведут на свой язык.

Пребывание в Аричче было чем-то неземным. Известный английский церковный деятель Фабер Фредерик писал, что, если хотим найти на земле кусочек рая, найдём его в иезуитском новициате. Преувеличение? Да, но не в отношении Ариччии. Моими товарищами были: знаменитый в последствии художник Поджески, политолог доктор Джаннатасио, сын журналиста газеты «Corriere della Sera» Валлори, архитектор Тонди и чувствительный Кьянелла.

Часто, беседуя на холме под сенью трёх пиний, мы витали в эфире возвышенных идеалов. Как красноречиво разговаривают итальянцы! Как звучит их язык своими чистыми гласными! Не зря говорят, что ангелы поют по-итальянски.

Мой приятель, всегда восторженный Алигьери Тонди, увлечётся коммунизмом, станет крупным деятелем итальянской компартии. Его книга «Иезуиты» будет переведена на многие иностранные языки, конечно, и на русский. То, что он пишет о пребывании в Ариччии, противоречит тому, что мы реально вместе переживали. Он не останется верным избранной им партии; вернётся в Церковь, ему будет позволено служить Мессе частным образом.

В Русский Интернат Святого Георгия.

В сентябре 1946 года я принёс первые монашеские обеты, и был отправлен на педагогическую практику в бельгийский город Намюр, в Русский Интернат Святого Георгия. Там уже работал поваром знакомый мне по Руссикуму брат Франческо.

Нельзя пройти равнодушно мимо этой подлинно иезуитской фигуры. Францек Пшевлеклы, российский поляк, воевал на японском фронте. Поступив в Общество, в Италии он стал Франческо. Это имя за ним так и осталось. Сначала он верно служил братом у отца Ледуховского, генерала Общества. Отец генерал поехал на лечение в Швейцарию и вызвал к себе в помощники Франческо. Брат приехал на границу и предъявил пограничникам свой паспорт, царский, с двуглавым орлом. Царя ведь больше нет! Пошли звонки в инстанции, в Министерства. Франческо впустили в страну гельветов.

В Риме он работал поваром. Это он принимал меня в Гаете. Через пару лет его направили в наш намюрский Интернат. Выхлопотав ему новый паспорт, покупают билет. Пора на поезд, а где Франческо? Его находят на кухне, где он драит конфорки. Ему кричат: «Брат, на поезд, скорей, скорей!» Он снимает фартук, надевает пальто и шляпу, берёт сумку, и послушно идёт на вокзал. В Бельгии беспокоятся, как он, не зная языка, найдёт дом. Снаряжают к поезду мальчиков. Те

возвращаются одни. Увидят брата уже за ревизией кухонного инвентаря. Российский солдат и без языка никогда и нигде не пропадёт.

Несколько слов об истории Интерната

После революции в Константинополе оказалось много бездомных детей. Их судьбой занялся французский иезуит Луи Бай. Вместе с уже знакомым нам отцом Сипягиным им удалось устроить мальчиков в помещении колледжа имени Святого Георгия. Оттуда название «Русский Интернат Святого Георгия», по-французски просто «Сен-Жорж».

Когда турки признали Советы, надо было искать для мальчиков другое убежище. Отозвались бельгийские иезуиты, купили и обустроили дом в городе Намюр. У отцов там был большой колледж Нотр-Дам де ла Пэ, в котором могли учиться наши беженцы. Горожане сочли своим долгом материально и морально поддерживать обездоленных мальчиков, тем более что фамилии их были весьма говорящими. Здесь был и Врангель, и Колчак, из князей – Урусов и братья Пулятины, и «графья», как Бобринской и Бенкендорф. Впоследствии прибавятся и фамилии русских писателей. Присущие пансионерам светские манеры открывали им двери городских салонов. Один ученик потом женится на дочери местного виконта.

Мальчики быстро смастерили музыкальные инструменты. В свободное время слышно было бряцание балалаек и домбр. Организовался ансамбль песни и пляски. «Оркестр Сен Жорж» давал концерты.

Естественно, возникали и проблемы на религиозной почве. Мальчики-православные воспитывались в хорошей католической школе. Присутствие на уроках религии было обязательным. Учителям дана была директива не затрагивать спорных вопросов и ограничиваться изложением доктрины, общей католикам и православным. Это – теоретически.

Благотворители ожидали обращения наших учеников в католичество. О православных знали всего только, что они «схизматики», а Церковь Христова одна, неделимая, и что следует привлекать их в лоно Рима. Ждали статистики числа перебивших конфессию. Для этого были и благоприятные условия, ведь Намюр - примерный католический город. В колледже Нотр-Дам преподавали опытные педагоги, компетентные специалисты, был порядок и христианская атмосфера. Всё это поражало русских мальчиков.

Для учеников колледжа ежедневное присутствие на мессе было обязательным. Не могло быть исключения и для пансионеров Сен-Жоржа. Пусть молятся по своему обряду! Разумеется, в те времена не могло быть и речи о приглашении для этого православного батюшки. Среди мальчиков были и русские католики, а в Интернате жили католические священники восточного обряда. Они стали совершать для всех ежедневную Литургию. День начинался именно с богослужения. Образовался церковный хор. Волей-неволей православные подчинялись такому порядку.

Конфликты разгорелись, когда несколько учеников приняли католичество. Не были редкими и кулачные решения межрелигиозных споров. Отличался в них русский грузин Мелия. Но времена меняются, и мы с ними. Он станет православным священником, будет духовником переведённого во Францию Интерната, и не встретится ему препятствий для служения Литургии в иезуитском храме восточного обряда.

Вера принималась со всей серьёзностью. Старшеклассникам разрешалось курить. Так было вообще принято в Бельгии. В Великий пост наши православные от сигарет воздерживались. Перед Пасхой мы возили их в город Шарлеруа, где была православная церковь. Вёл их я. В дороге соблюдали полное молчание. В храме все исповедались. Батюшка начал Литургию торжественным «Благословенно Царство...». Тоненьким голосочком «Аминь» поёт его дочка. Мальчиков мы научили петь в церкви. Я часто управлял хором, но католикам запрещалось активно участвовать в некатолическом культе. Я взял грех на себя: поднял руки, дал знак моим подопечным, и все единодушно пропели со священником Божественную литургию.

Лето в замке

Барон Adelin de Liedekerke-Beaufort предоставил Сен-Жоржу свой средневековый замок Шато де Вев (Chateau de Vives). Сам он отдыхал недалеко, в большом новом дворце.

На намюрском вокзале мы погрузили в вагон кастрюли, одеяла, книги, а в багажное отделение втащили велосипед, прицеп и большой бидон для воды. Прибыв на место, мы весь багаж несли на плечах несколько километров. Зато попали в сказочный мир. Не было средневековых принцесс, но были «пастушки», как в более поздних романах. Собственно, речь пойдёт не о пасущих овец, а о дочерях мельника.

Воду надо было привозить с мельницы. Бидоном и тележкой заведовал Вася Карлинский. Быть его напарником по доставке воды было привилегией, так как у пруда частенько появлялись миловидные дочери хозяина. Везло Вике Болдыреву, его Вася часто брал с собой.

Забегу вперёд. Уже при немцах, по моим, тогда партизанским делам, я проезжал на велосипеде мимо замка. Как не повидаться с семьёй мельника? Вошёл в дом и увидел всех за столом, с большим тортом и бокалами с шампанским. Вика, уже повзрослевший, сидел рядом со старшей дочерью. Не помолвка ли?

После войны я узнал, что свадьба состоялась, и что Болдырев эмигрировал в Канаду. Это один из тех, кто в Намюре, «изменив России», перешёл в католичество. В Монреале он стал старостой и правой рукой тамошнего священника русского католического прихода восточного обряда.

В Веве мы купались в холодной воде небольшой речки, иногда под дождём; собирали ягоды, и в лесу, на костре, изготавливали варенье и настойки.

Шёл 1939 год. Бельгийцы опасались нападения на свою страну со стороны Германии. Замок находился в стратегической зоне. Нас спешно эвакуировали в город Лувен. Перед отъездом мальчики старались съесть свои сласти, но много банок с вареньем и настойками так и осталось высыхать на подоконниках замка.

В Лувене летом пустовало русское студенческое общежитие, управляемое отцами-иезуитами. Нас разместили в нём. Но тревога прошла, и мы вернулись в Намюр. Общежитие это было построено благодаря помощи известного кардинала Мерсье. Средства на содержание умудрялся доставать отец-иезуит Роберт Журден. Трогательна была его всяческая забота о русских. Когда в 1939 году в Финляндии начались военные действия, он нам сказал, что ведёт переговоры с одной морской компанией, чтобы нанять судно для советских военнопленных. Но, как известно, война кончилась после жестоких трёхмесячных боёв.

После высадки союзников Лувен пострадал от американских бомб. Русское общежитие было разбито и больше не восстанавливалось, так как старинный лувенский университет стал исключительно фламандским, а студентов, не владеющих фламандским языком, там больше не принимали.

Война

По возвращении в Намюр пошли спокойные месяцы обычных занятий. Прошла зима, настала весна. Солнечное утро 10-го мая 1940 года. Улицы города радуют своими расцветшими каштанами. Мальчики спят. Вдруг раздаётся гул самолетов. Затем следуют взрывы бомб. Немецкие самолеты «Штуки» со специально прикрепленными штырями воют, наводят ужас на жителей. Бельгийская зенитка стреляет и затихает. Страх и ужас. Все помнят вероломное нападение немцев в четырнадцатом году и их варварское господство в стране.

Мальчики, те в восторге толпятся у окон, считают самолеты. Загоняем их в подвал. В городе – паника. Люди уезжают, бегут на юг, во Францию. В большом иезуитском колледже сотни беженцев: стариков, матерей с детьми. Отцы делают перевязки, раздают еду.

Во время мобилизации 39-года часть Интерната была занята бельгийскими военными. Как только посыпались немецкие бомбы, бельгийцы переоделись в штатское, а вооружение оставили нам на память. Когда потом немцы расклеят по городу приказ о сдаче оружия, ночью нам удастся побросать винтовки в реку Самбр, протекающую у самого забора Интерната.

Из учеников, кого можем, отправляем к родителям в Париж и Брюссель. Уходят последние поезда. Осталось тринадцать мальчиков. Отец Виктор Рихтер (одессит, моряк, принявший католичество) пробирается с ними в сторону Франции. По дороге питаются у сердобольных фермеров. В одном месте их проверяют французы. Отец Виктор говорит с иностранным акцентом, фамилия у него немецкая. Толпа кричит: переодетый в священника шпион! В панике таковых расстреливали на месте. Допрос слышит один солдат-семинарист. Он знает французскую семинарию, в которой учился отец Виктор, и его с детьми оставляют в покое. Но дорога во Францию перерезана немцами, и отец Виктор возвращается в оккупированный Намюр.

Другой такой семинарист спас в Лувене генерала Кошелева. Произошло это в трагический день 10-го июня. Немцы не бомбардировали этот город. Вышел генерал утром «за газеткой». У закрытого киоска стоит солдат. На своём ломанном

французском языке генерал спрашивает, когда откроют киоск. Солдат принимает Кошелева за немецкого парашютиста. Идёт допрос в части, и снова один солдат, бывший семинарист, выручает генерала из опасной ситуации.

В Интернате нас оставалось трое: со мной брат Франческо и отец Кузьмин-Караваев. О нём скажу коротко, хотя следовало бы охарактеризовать этого члена петербургской литературной богемы, друга поэтов Александра Блока, Вячеслава Иванова и многих других, первого мужа знаменитой Матери Марии. В 1922 году он вошёл в группу высланных из РСФСР философов и учёных со своим другом Бердяевым. Стал католическим священником. Ходячая энциклопедия русской культуры.

Воют сирены, и мы прячемся в подвале. Немцы занимают Намюр. Мимо дома гремят моторизованные немецкие части. Солдаты поют: «А мы едем в Англию». На машинах надписи: «Nach London».

Вдруг слышим над головой грохот сапог. Говорю: «Солдат!». Брат Франческо возражает: «Офицер!». Поднимаюсь. Передо мной стоит немецкий офицер. Козыряет: «Здравствуйте! Я майор граф фон Бенкендорф, дядя вашего ученика Саши Бенкендорфа. Заехал посмотреть его школу. Очень приятно. До свидания!» Уф, отлегло! В последствии Саша поступит в немецкую армию. Он посетит меня в Париже лет двадцать спустя.

Да, забыл. Оставался с нами Алашеев, бывший крупный самарский помещик. До революции у него были тракторы, автомобиль, он мог себе позволить отдых во Франции на Лазурном берегу. Когда пришли немцы, он донёс на нас, что мы слушаем Лондон, и что мы английские шпионы. Донос попал к Главнокомандующему Вермахтом в Брюсселе. У него работал русский барон фон Вальтер, отец нашего ученика. Заявление Алашеева бросили в корзину. Бельгийские иезуиты отнюдь не отплатили ему злом. По моей просьбе его, уже совсем опустившегося, они взяли ризничим в свой храм.

Приходил к нам в Интернат бельгиец, побывавший в СССР. Ярый коммунист, он было поехал в Донбасс на социалистическое строительство. Советские товарищи взялись обучать его русскому языку. Директор шахты пожелал увидеть энтузиаста из Бельгии. Тот входит и приветствует: «... твою мать!». Что делать, так уж его научили здороваться с начальством.

Интернат стоял близ горы, в каменной глубине которой располагался главный бельгийский штаб. Немцам некогда было заниматься местными укреплениями, они их просто обошли. С Васей Карлинским мы пробираемся к казематам. Стальная дверь открыта. Входим в просторное помещение. Освещаем фонариком большой обеденный стол. На нём недоеденные блюда. На складе Вася примеряет новые солдатские сапоги.

В городе пусто. Из шестидесяти тысяч жителей осталось тысяч пять. Немцы уже далеко на пути к Парижу. Немецкий гарнизон города – одни ветераны. Занятий особенных нет, и мы с мальчиками ходим осматривать намюрские крепости, со стальными куполами и орудиями.

А вон, в поле, лежит самолет. Подбегаем. Это французский истребитель «Morane 2», который мы знаем по книжкам. Подбитый немцами, но цел. Вокруг тишина. Вася крутит штурвалом, командуя: «Не трогать снарядов!» А они такие красивые, блестят.

В Париж

Вернулся демобилизованный директор Интерната, отец Павел Майё, бельгиец. Остаться в Намюре оказалось бессмысленным. Большинство мальчиков – парижане. Перевести Интернат в Париж! Родители настаивают. Для переезда нам требуется немецкая виза. Подаём заявления, из комендатуры никакой реакции. Проходит год, и нас вызывают для получения «Ausweis», документов на переселение в Париж. Там нужно было помещение. Из-за войны пустовал иезуитский дом в шестнадцатом районе, и отцы предоставили нам приют в нём.

Надо было перевезти наше намюрское имущество. С тех пор, как немцы были заняты на восточном фронте, вовсю процветала контрабанда. Нам навстречу пошли хозяева бельгийских барж. Они доставляли в Париж уголь. За несколько недель они перевезли во Францию все наши вещи с библиотекой. И теперь группа учеников смогла продолжать учёбу.

Я остаюсь в Бельгии

Курсы иезуитской подготовки мне следовало продолжать в Намюре. К немцам за визой я не явился. Вызвал и накричал на меня немец за то, что напрасно заставил хлопотать немецкую администрацию.

Пока я был только бакалавром философии. Требовался ещё год до лиценциата. Но на бельгийском факультете уровень требований был непомерно выше того, что я проходил в Риме. Мои новые товарищи были уже в курсе трансцендентализма Жозефа Марешаля, экзистенциалистов, новейших социологов. Я усердно навёрстывал, но освоить всё новое мне не удалось. Даже моя дипломная работа «Оправдание добра Соловьёва в свете томизма» не удовлетворила комиссию. Профессиональным философом я не стал.

В доме, в котором мы учились, отдыхал престарелый отец Йоганс. Тридцать лет он безвыездно прожил в Индии. Вернулся совершенным индусом. Попав в Индию, он изучил санскрит, проникся индуизмом, и одним духом написал удивительную книгу «К Христу через Веданту». Как духовник, в своих наставлениях посвящал нас в глубокие тайны Божии. В его комнате, кроме Библии, священнического молитвенника и жития Святой Терезы Младенца Иисуса никаких книг не имелось. Евангельски детская душа, испытавшая в Индии тяжести климата, тяготы одиночества в стране бедности миллионов париев, он проникся любовью к людям. На длительном тогда обратном морском пути приходили исповедоваться люди разных национальностей. По тону незнакомой ему речи он распознавал искреннее сокрушение кающегося и произносил: «Я тебя прощаю во имя Отца...»

Не могу не прибавить несколько слов и о моих братьях, работавших в миссиях. В парижском Институте Восточных языков они изучили русский язык. Не видя возможности работы в России, уехали в Африку, в Чад. Отец Гавриил Ре некоторое время провёл в Сен-Жорже, где вёл один класс, а затем отправился в Чад. В тропическом лесу построил себе хижину и часовню из бамбука. Однажды он поехал на велосипеде посещать своих верующих. Возвратясь, на месте своего жилища увидел большой термитник. Термиты уничтожили его жилище. Миссионеры тогда от болезней или умирали, или выздоравливали. Отец Ре перенёс тропическую болезнь, и смог остаться в Чаде положенный тогда срок: тридцать миссионерских лет.

Вторым уехал отец Лекко. В Африке он проработал несколько лет, но должен был вернуться в Сен-Жорж. По примеру европейцев он предохранялся от африканских заболеваний потреблением виски и приехал к нам в Медон алкоголиком. Он блестяще переводил со мной рассказы Зоценко, но скоро умер, сравнительно молодым.

Третьим был, интеллеktуал Ле Бубенек. Он подхватил в Африке какой-то микроб, который отчасти поразил его мозг. Больше не смог переносить нашу общую жизнь в Медоне, и настоятели позволили ему обособиться. Он стал научным сотрудником парижского Института Hautes Etudes, оставаясь с нами в постоянном братском контакте.

Как уже было сказано, я остался в Бельгии, и был направлен настоятелями на богословский курс в Лувен, старинный университетский город; о нём я уже говорил У иезуитов там был свой факультет теологии. Там преподавали ряд превосходных и прогрессивных для того времени, учёных, теологов, особенно библистов. Факультет обладал большой библиотекой, одной из крупнейших в стране. Имелся и русский фонд, в котором были широко представлены классики, полный дореволюционный Владимир Соловьёв и другие русские философы. Атмосфера в коллективе была самая дружеская, как в новициате. Мы так увлекались теологией, что по четвергам при любой погоде должны были идти гулять до шести часов вечера. Причём запрещено было брать с собой книги.

Не было недостатка в оригиналах. Пожилой уже богослов и проповедник, отец Шейер, был не от мира сего. У нас за столом есть правило передавать блюда своему соседу. В один из праздничных обедов он сидел, погружённый в свой мир, и аккуратно передавал блюда соседу, забывая про себя. Встал из-за стола, так и не пообедав. Отец Шейер в течение восьми дней вёл у нас духовные упражнения. В конце он вполне естественно сказал нам: «До свиданья в небе!»

Были и совсем чудачки. Среди нас доживал свой век отец, который докучал нам, молодым, своими записками. Совал их нам под дверь. Вот мы и читали: «Не шагайте так быстро по коридору, ходите спокойней».

Моё партизанство

Осень 1942 года. Немцы привезли в Бельгию на работы в шахтах тысячи советских военнопленных и гражданских людей. В один из дней мне сообщают, что в приёмной меня ждут посетители. Представляются: «Мы из Лимбурга. В нашем доме появился молодой русский, бежавший из лагеря. Нужен переводчик. Есть русские эмигранты, но они связаны с оккупантами».

Не трудно понять, что в начале у многих русских появилась надежда на освобождение России от коммунизма. Этим объясняется то обстоятельство, что среди служащих в немецких комендатурах оказывались русские. Несправедливая тень пала на всю эмиграцию. Но об этом написано уже достаточно литературы.

Настоятель благосклонно отпустил меня, чтобы разведать ситуацию. Отцы дали мне велосипед, и я стал разъезжать по сёлам, где скрывались бежавшие из лагерей военнопленные. Их число постоянно росло. Бельгийцы укрывали, кормили и одевали их.

Все выходные и каникулы я проводил в Лимбурге, где работали советские граждане, вывезенные из России простые люди, или военнопленные. На волю бежали рядовые, командиры, и вскоре возникла идея об их организации. Она станет называться «Русская Партизанская Бригада «За Родину»». Мы говорили просто «Бригада». Её возглавил сибиряк, подполковник Константин Шукшин.

Однако, как мог, я продолжал своё богословское образование. В конце третьего курса нас рукополагали в дьяконы.

По каким-то соображениям местом моего рукоположения был определён Париж, где успешно жил и развивался мой, ставший мне родным, Интернат Святого Георгия, наш «Сен-Жорж». Съездил я, конечно, нелегально. В одном пограничном селе центральная улица разделяла бельгийскую и французскую стороны. Местные жители общались беспрепятственно. В сутане, без пальто, без багажа, с небольшим портфелем я прошёл мимо пограничника, как будто иду в гости к французскому собрату. Тот в жизни меня не встречал, но мило принял, как брата во Христе, накормил, а потом через кухонную дверь выпустил со словами: «А теперь идите по полю, только прямо, и дойдёте до станции». Напрямую идти километров десять! Идёт мокрый снег. Наконец вижу паровозный дым. Покупаю билет, никто ничего не спрашивает. В купе восемь до нитки промокших пассажиров и пассажирок. Без стеснения раздеваемся. Отопление работало, одежда сохла. Думали только, не подорвут ли путь диверсанты.

В Париже поражало безлюдье. Ходили кое-какие машины, грузовики. Автобусы были снабжены газогенераторами. Редкие поезда метро останавливались только на переходных станциях. Улицы зеленели пробивавшейся вокруг булыжников травкой. Мрачным был тогда город от многовековой копоти.

Рукополагал меня в своей домовой часовне монсеньор Неве, многие годы прослуживший в советской Москве в качестве Апостольского Администратора католиков.

В Сен-Жорже меня радостно встретили намюрские ученики. Новички были главным образом из евреев. Напомню только явно еврейские фамилии: Цейтлин, Барер, Кичин, Зингер, братья Капланы, Леванты.

В Бельгию я вернулся через уже знакомую мне пограничную деревню.

«Соппротивление» в Лимбурге.

Круговая порука среди населения была вполне надёжной. наших партизан было уже около двухсот. Что ни ферма, то член Бригады, и ни один из них не был выдан немцам. Район, где мы скрывались, был диаметром приблизительно в сорок километров и состоял из небольшого числа сёл и двух-трёх городов. Жители, католики, считали своим христианским долгом оберегать советских людей, очутившихся далеко от своей страны и родных.

Правда, один товарищ погиб, но отнюдь не от вражеской пули. Жил с другом на ферме в землянке. Из-за хозяйской дочери на почве ревности вышла ссора. Соперник спускается в землянку, а там подстроен обвал, и друг-товарищ похоронен под землёй.

Случилось мне присутствовать на совещании брюссельского эмигрантского Офицерского Собрания в салоне мадам де Виттук. Это была известная в эмиграции Елена Павловна, урожденная княжна Щербатова, замужем за хозяином золотых приисков в Конго, господином де Виттук. Она помогала Бригаде финансово, была связана с английской разведкой. Командиры Бригады приняли приглашение в надежде на то, что англичане могли бы доставить самолетами оружие для оснащения партизанских формирований. Зашёл разговор и об организации русских отрядов из военнопленных к моменту прихода союзников. Старенький царский генерал заявил: «Войсками командовать буду я!» Мы вежливо попрощались,

очутившись же на улице, Дядькин только сказал: «Да, главнокомандующий, песок сыпется!» А в планы англичан вовсе не входило вооружать советских граждан.

Впервые с мадам Виттук я встречался в городке Неерпельт на голландской границе. Встреча состоялась в лесу. Из Брюсселя она долго ехала на трамваях. В Бельгии тогда была густая сеть трамваев. Я приехал на велосипеде. Мы проголодались и пошли обедать в местный ресторан. Входим, посреди залы стоит большой стол, накрытый фарфором, хрусталём и серебром. Приезжает фельдфебель, считает места, проверяет прибор, салфетки. Загудели машины, входят офицеры с генералом. Мы сидим за столиком в углу, тихо разговариваем по-русски. Генерал смотрит на элегантно одетую даму с господином в сутане. Подзывает хозяйку и спрашивает, на каком языке они там говорят. «По-французски», - отвечает она. Елена Павловна расплачивается, и, вежливо поклонившись генералу, быстро удаляемся подальше от ресторана.

Потом я познакомил Елену Павловну с командирами Бригады на небольшой ферме. Там мы сидели у камина, и из общей миски брали руками прожаренные на огне куски баранины. Запели свои песни.

«Нет» - религиозной пропаганде

В госпиталях лежало много больных из военнопленных и из «эстов», то есть простых советских граждан. В Бельгии больницы обслуживались католическими монахинями, и посещение больницы священником считалось нормальным, а немцами допустимым. Некоторое время я мог вести с больными беседы на религиозные темы, как и с отдельными партизанами на фермах. Но в Бригаде появился комиссар, и я вынужден был прекратить разговоры на религиозные темы и служить исключительно партизанским целям.

После рукоположения в священники 22 июля 44-го года я служил Литургию, то где-нибудь у монахинь, то в лесу, или в замке у фламандского барона Фон Вогельзанг.

Кстати о моём рукоположении. На время я вернулся в Лувен, место моей прописки. Церемония проходила в городском соборе. Богатый архитектурными памятниками город подвергся одной, особо массивной бомбардировке. Ночью с фонариками мы откапывали людей, погребённых под обвалившимися стенами. Были погибшие. Витражи собора были выбиты, и во время рукоположения храм насквозь продувало сквозняком.

Меня часто спрашивают, что ощущаешь в эти торжественные минуты, когда получаешь благодать священства. Благодать даётся, но не чувства. Нас, рукополагаемых, было сорок; церемония длилась семь часов. (С тех пор она была упрощена). Надо было, то становиться на колени, то подходить к епископу справа, слева, и, не путаясь, возвращаться на своё место и т. д. Важно только одно. Независимо от твоего настроения самым фактом рукоположения, возложением епископских рук, ты становишься соучастником священства Христова, продолжателем Его дела во имя спасения «душ и телес» человеческих. Ты будешь прощать грехи, освящать Тело и Кровь Христа, будешь просвещать людей евангельской проповедью. Это - осознание веры сердцем и умом, не нуждающееся в восторженных чувствах.

Важным событием считается «первая месса». Для меня это значило служить первую Литургию Святого Иоанна Златоуста. В одном зале университетского общежития русские студенты, католики и православные, обустроили иконостас,

заранее заказали у монахинь облачение, достали утварь и составили хор. После службы пили чай с печеньем. О банкете и речи быть не могло: война. Только родители одного новопосвящённого собрата подготовили обед в ресторане. Сдали хозяину необходимые талоны, договорились о цене, и мы, вчетвером, отпраздновали событие.

Лувенские друзья

В Лувене жило несколько русских семей. На главной площади трёхэтажный особняк занимал Илья Денисов, ставший знаменитым своим доселе непревзойдённым трудом, докторской диссертацией о Максиме Греке, удостоенной премии Французской Академии.

Бывал я в семье сына царского министра Витте. Они, как и Денисовы, были католиками. Когда мог, я заходил к милейшим Кошелевым. Царский генерал Кошелев поражал своей детской простотой. На стене у него висело изображение Христа. «Сижу я тут в кресле,- говорил мне однажды, - и вижу перед собой Спасителя. Ну и написал вот эту картину».

В Лувене училась киевлянка Ирина Поснова, защитила докторскую диссертацию об Иринее Лионском. Создала известное издательство «Жизнь с Богом», и нелегально, через туристов отправляла религиозную литературу в Россию. Ей мы должны изданием русской «Брюссельской Библии». Комментарий к ней и корректура были трудом протестантского пастора, бывшего ученика Сен-Жоржа, Васильева. Он долго не прожил по окончании своего, столь дорого ему дела. Ученая Поснова жила монахиней в миру. Спрашивают, где её найти. Ответ был только один: в своём кабинете или в часовне. Но, когда надо было защищать направление издательства и своих публикаций, она смело оппонировала епископам, и, не стесняясь, требовала ватиканских аудиенций. Как и Денисов, став католичкой, она придерживалась восточно-православного обряда. Денисов любил повторять: «Если я когда-нибудь окажусь в России, я там буду молиться с православными. Христова Церковь едина, неразделимая». Он эмигрировал в США, стал священником.

Бомбардировки

Когда немцы заняли Бельгию и Францию, авиация союзников начала свои налёты. Никогда не знаешь, куда летят их самолеты: на страну или дальше, на Германию. Американцы совершали налёты всегда ночью. Спокойно мы спали только в нелётную погоду. Цель бомбардировщиков были пути сообщения и железнодорожные станции. Английское радио советовало удаляться от этих объектов на три километра. Куда? Эта перенаселённая страна была сплошной сетью дорог, автомобильных и железнодорожных.

Лувен подвергся нескольким бомбардировкам. Особенно страшной была одна. Как обычно, американцы сделали над городом световой круг и посыпали в него тяжёлые бомбы. После налёта мы, студенты-богословы, брали кирки и лопаты. Сначала приступали к домам, где слышны были крики. Так из подвала одного дома на площади мы освободили из-под завалов одиннадцать человек. Для них это было воскресением. Крики радости, объятия, поцелуи. Мы продолжали работу без страха. Двух налётов за одну ночь не бывало. Круги, сделанные летчиками над объектами уносило, и бомбы падали вне цели. Случилось, что было разбито бомбоубежище за городом. Откапываем. Под ногами у нас десятки трупов. Вот

почтальон с ребёнком на руках, девочка в красивом платье. Есть и немецкий солдат. Толпятся люди, смотрят, нет ли своих. Один из наших священников читает молитву. Приезжает на машине немецкий офицер с адъютантом. Вытягиваются в струнку, и старший произносит свой гитлеровский реквием: «Schicksal!» (Судьба).

Удивительно, в центре развалин устояла готическая ратуша, украшение города. Рухнули стены храма, некогда построенного иезуитами в стиле барокко, давно отнятого у них, но фасад не пострадал. Горожане иронизировали: «Свой фасад иезуиты спасают всегда».

Бомбардировки, опасения новых, выматывали нервы. Особенно тяжело было на четвёртом году войны.

Англичане действовали всегда днём. Три бомбардировщика на огромной скорости пикировали на объект, например, на железнодорожный мост, танковую часть, а огромные немецкие зенитные орудия не попадали в них. Мы просто любовались.

Liberation – Освобождение

Союзники освободили нас в сентябре 1944 года. Мне надо было связаться с товарищами на ещё не освобождённой голландской территории. Несколько километров езды на велосипеде по асфальту ничейной земли. Безоблачное небо, греет солнце, не слышно ни малейшего звука, чувствуешь какую-то особенную свободу. Доехал до села, ставни домов закрыты, тишина, даже собака не залает. Немцы там. Еду обратно, и тут бах-бабах. Пролетают снаряды. Я уже возле дома, будем праздновать освобождение. Вхожу - все в саже. Хозяйка, сын и дочь - чёрные, как дьяволы. Снаряд разорвался в дымоходе. Праздничный обед сорван. Обедали и пили шампанское у ликующих соседей.

Радовались не все. В доме напротив шёл погром. На тротуар летит мебель, посуда, одежда: громят дом коллаборациониста. Из кафе на углу слышен отчаянный крик: бредут головы девицам, гулявшим с немцами.

Ночуем в поле на голландской границе. Нам не мешают спать даже взрывающиеся снаряды в сбитом немецком самолёте на опушке леса. Просыпаемся от гула. Над нами низко летят сотни самолётов. Куда, зачем? В очередном выпуске фронтовой газеты «Stars and strips» - полное молчание об этой операции. Только позже мы узнали, что это был английский воздушный десант под Арнгеймом, закончившийся полной катастрофой. Первая Британская Военно-Десантная Бригада, численностью в 6986 человек, перестала существовать. В ней участвовало 1508 членов Польской Бригады. Оставшиеся в живых были взяты в плен.

Сборы Бригады

Партизаны празднуют у своих хозяев «освобождение», но теперь надо думать о будущем. Рассылаем приказ Бригаде собраться в городе Пеер. Прощание на фермах, последние стаканы крепкого. Девушки плачут...

По предварительному согласованию с мэром, занимаем католическую школу-интернат, где учеба ещё не началась. Город под англичанами. Приходят их офицеры, я даю им объяснения, кто мы такие. Выдают нам паёк. На следующий день двор школы заполняют французские партизаны. Делают привал перед отправкой на фронт в Голландию. После обеда слышна команда «рассчитаться на первый-второй», выстроится в две шеренги. Командир, узнав, что я священник,

просит благословить отряд. Все становятся на колени, я читаю молитву по-французски. Мои партизаны смотрят, разинув рты. Вот и Запад!

Англичане бесцеремонно решили отправить нас на фронт. Выдают винтовки (не самые современные), миномёты. Ввиду того, что на нас нет униформ, снабжают нас союзными повязками. В Бригаде назначаются политруки, определяются роты и взводы.

Тут подъезжают на машине два офицера из лондонской советской военной миссии. Созывают наш штаб. Один из прибывших заявляет: «Никакого фронта! Довольно пролилось нашей крови!» Мы остались в школе.

Англичан сменили американцы. Нас отправили из зоны военных действий в недалёкий город Хассельт. Поселяемся в освобождённой тюрьме. Но прежде совершаем торжественный марш по главной улице. Город католический, я шагаю в сутане впереди с полковником, бойцы оглушительно поют партизанскую: «По долинам и по взгорьям».

«Вы считаетесь теперь «переселёнными лицами»». Оружие должны сдать!», - говорит мне американский командир. Перевожу нашим. «Партизаны оружие не сдают», - орёт комиссар. Американцы направляют меня в Голландию к главнокомандующему Первой армии. Уже выпал ранний снег. Еду к генералу. Без формальностей меня пропускают к его простой солдатской палатке. Приём самый радушный. Выслушал меня наедине, вынул из бокового кармана блокнот и написал: «Русской партизанской Бригаде разрешается иметь своё оружие». Подпись. У американцев в зоне военных действий печатей быть не должно.

Возвращаюсь в Бригаду с победой. Эта простая бумажка за подписью генерала позволит нам пройти с оружием до самого Марсея и погрузиться на английский военный корабль, который потом доставит наших партизан прямо в Одессу.

Возвращение на Родину пока было невозможно.

Американцы погрузили нас на автобусы и повезли во Францию. Что за страна, эта Бельгия! Одни дома, огороды и теплицы. Приехали во французский город Валансьен. Партизаны высыпали на площадь, и вдруг появляются шахтёры-поляки, и щедро угощают Бригаду самогоном.

В Валансьене американцы сплавляют нас французам, те определяют нам целый курорт, «Сент-Аман-лез-О», где ещё недавно набирались сил немцы. Мы расселяемся в большом, роскошном отеле и по различным пристройкам. Нас чарует большой парк.

Первым делом выставляем часовых. Мы – некий советский анклав. На другой день комендант военного округа не сразу смог проехать в расположение Бригады. А он приезжал по делам продовольственного снабжения для нас.

Сводки советского Информбюро воодушевляли партизан. Командиры становились просто дерзкими с французским интендантством. Требовали увеличения продовольствия, тогда как среди населения ходили слухи, что наши же повара в большом количестве сбывают мясо на чёрном рынке.

В штабе были недовольны моим чересчур учтивым тоном по отношению к французскому начальству. Правда, я несколько смягчал резкость речи наших командиров. Подполковника Шукшина сменил молодой лейтенант, энкавэдэшник, Иван Дядькин, калмык. Это был антипод подполковника. Шукшин отличался необычной человечностью. Вот он стоит перед строем и распекает провинившихся,

но таким сочным, народным языком, что все ржут от удовольствия. Стиль Дядькина был сухой, императивный.

Офицеры нуждались в присутствии женского пола. Без моего ведома комиссар с Дядькиным ездили в город Компьень, где советская военная миссия организовала сборный пункт, куда стали свозить (если не загонять) советских граждан из городов северной Франции. Привезли тридцать женщин и девушек. Отобрали там мастеровых: поваров, парикмахеров, механиков, сапожников и швей. «Офицерскому составу нужны сапоги», - говорит мне комиссар. Еду в город к интенданту. «Дорогой мсье, рад бы вам услужить, но у нас самих нехватка», - извиняется начальник. Комиссар сердится. Я решил тогда заехать на кожевенный завод. Хозяин вежливо слушает меня и говорит, что кожа реквизирована для армии. Долго прошу и, наконец, получаю двадцать забракованных коровьих шкур. В них были кое-какие дырочки.

Возвращаюсь с триумфом. Через пару дней офицеры щеголяют в хрустящих сапогах, а я хожу в простых ботинках. Считая себя благодетелем, я не подумал о поощрении наших мастеров сапожного дела бутылкой водки. Но, усовестились и сшили. Сколько лет и я потом щеголял в «советских» сапогах по парижским бульварам!

Выхлопотал в администрации талоны на текстиль и сукно, но на складах было пусто, а в магазинах эти карточки хозяева не принимали.

Мы запланировали устраивать спектакли, и нужны были костюмы. Артисты у нас были: ленинградский виртуоз на скрипе Саша, балерина Нинка, танцовщица из татарок, певцы. Составили ансамбль песни и пляски. В костюмах, сшитыми нашими девушками, можно было выступать только в театральном зале курорта. Ждут артистов Бригады в городе Денен. Обычное: «Отец Алексей, достаньте костюмы!». Я поехал в богатый город Лилль, прямо в оперную костюмерную. Мне, как священнику, доверяет директор и даёт напрокат роскошные уборы.

Народ, главным образом шахтёры, переполнял театры. Я взял на себя роль конференсье. Приезжал к нам офицер из советской военной миссии. Тщательно проверил текст моих выступлений.

Газетчики расхваливали наши концерты.

В одном городе получился у нас неприятный казус с горняками. После концерта предвиделся ужин, и рабочий народ города решил угостить нас в своей столовой. Женщины обогатили меню тортами, а поляки принесли свою колбасу и выпивку. Войдя в помещение, комиссар чуть не озверел. То, что для шахтёров было жестом товарищества, он счёл для советских людей оскорблением: «Это же не ресторан!» Но требовать блюд в городском ресторане было поздно, повара и официанты ушли домой.

Жизнь на курорте Сент-Аман-лез-О протекала без особенных чрезвычайных происшествий. Учёба, наряды, строевые упражнения, стрельба, репетиции концертов, как в мирное время. Вечера проводим в роскошном большом зале, танцуем, пляшем, поём. Телевизоров ещё не было, чтобы мешать беседам, песням.

Часовни для богослужения на курортах – обычное дело. По утрам, никому не мешая, я спокойно служил Литургию. Возил с собой походную церковную утварь в небольшом ящике. Был у меня даже дячок из эмигрантских шахтёров. Мы приняли его в Бригаду как переводчика. Исповедоваться я ходил к добрейшему аббату местного прихода.

Внезапное наступление Рундштедта в декабре сорок четвёртого года сильно встревожившее союзников, не осталось без последствий и для нас, хотя фронт и не дошёл до Сент-Амана. Мы уже и забыли заботиться о затемнении. Под Новый год у нас идёт бал. На расположение Бригады падают бомбы. Кажется - три. Дом горит. Звоню пожарным. Телефон не работает. Летим на машине в город. Пожарники спят. Лейтенант Трефилов стреляет в воздух. Пожарники вскакивают, бегут к машинам, но те не заводятся. Бензин продали на чёрном рынке! Поспевают пожарные из Валансьена, спасают часть главного корпуса отеля.

Наши женщины потом балагурили между собой, и девушки им вторили: «Это всё произошло потому, что отец Алексей пустился в пляс с развязной Нинкой».

Не все могли вынести свои пожитки, и мы стали погорельцами. К счастью, театральные костюмы я сдавал сразу после концертов. Мне пришлось разезжать по области, стучаться в двери. Люди помогали, чем могли. Правда, давали вещи поношенные, что не нравилось членам Бригады. Им трудно было понять, что за четыре года войны у «буржуев» уже иссякли запасы одежды и белья.

Умер у нас один товарищ. От денатурата. Мы приехали в морг для опознания. Комиссар брезгливо говорит: «Закопать!» Сели в машину и вернулись в Бригаду ...

Число живущих в Бригаде всё увеличивалось и даже удвоилось. Прибывали члены других партизанских объединений из шахт Северной Франции. Общее число дошло до пятисот.

Маили-ле-Кан

Война продолжалась, французы желали знать, каковы наши планы на будущее. В январе 45-го года американцы предложили нам работу: охранять лагерь с военнопленными немцами.

Несколько дней спустя мы уже разбиваем палатки на французском полигоне Маили-ле-Кан в департаменте Марне, в трёхстах километрах на восток от Парижа. Начальник, американский полковник, выделяет мне письменный стол в своём кабинете. У меня была своя русская пишущая машинка, на которой печатались ещё в подполье наши листовки, а затем документы Бригады. Машинистку Тонию тоже посадили в этом кабинете.

Помню одну сцену. Входит к нам сержант. Полковник ведёт допрос. Речь шла о сорока погибших немецких военнопленных. В исключительно жаркий день немцев привезли на станцию. Открывают один вагон, и находят в нём сорок человек, погибших от жары и жажды: сержант, раздававший воду, пропустил этот вагон. Дальнейшую судьбу виновного я не узнал, но полковник сказал мне, что сам Эйзенхауэр извинился перед Гитлером за трагедию. За всю войну это было единственное подобное извинение.

Американцы снабжали нас всем, обмундированием, питанием и платили жалование. У нас появились лишние деньги. Поражало, как эти янки смогли переправить через океан не только всю технику, горючее, провиант, но предвидели всё, вплоть до зубной щётки, ниток и иголок, не забыли даже наборы необходимой косметики для девушек. Вот почему так долго медлили со «вторым фронтом», столь ожидаемым русскими.

Ясно, что такая жизнь партизанам и не снилась: обильное питание американского военного, франки, сигареты, шоколад, апельсины, арахис.

Наши политруки изощрялись, разъяняя товарищам: всё это добыто эксплуатацией цветных белыми. Доказательство было налицо: американский

гарнизон состоял из полка белых и полка негров. Белые перестали встречаться с девушками нашей Бригады, когда они потанцевали на вечеринке у негров.

По просьбе католиков по воскресеньям я служил мессу для американцев. Это озадачило наших командиров: не сотрудничаю ли с ними. Встал и вопрос религиозной пропаганды. Заболела одна из девушек. Её лечили в американской больнице города Реймс. Не зная языка, она сильно тосковала. Навестил её. Мы одни, и она мне говорит, что воспитывала её бабушка, очень «божественная». Хотела прочесть что-нибудь религиозное. Я передал ей русский перевод повести одного католического автора об обращении молодого коммуниста. Она поделилась своими впечатлениями с моей машинисткой Тоней, когда та к ней пришла по делу. Тоня на меня и донесла. Последовало совещание в штабе. Тоне поручили достать им книжку. Я объяснил ей, что она уже не у меня.

И ещё насчёт Тони. Как-то вёз меня с ней шофер-француз. В разговоре заявляет мне, что не верит ни в какие сверхъестественные тайны и добавляет: «Мне не даёт покоя тайна, о чём отец Алексей говорит со своей рыженькой». Это была образованная ленинградка, мы много философствовали, читали стихи. Ей было обидно, что я не стремлюсь к большей близости, и непонятно, как можно жить без «этого». В данный момент, «служа Советскому Союзу», я не имел права объяснять, что в глубине души служу Богу, и стремлюсь подражать целомудренному Иисусу. Другие девушки самоотверженно заботились обо мне, стирали бельё, гладили одежду, убирали палатку, пришивали пуговицы, угощали ватрушками.

Американским офицерам не полагалось сидеть за рулём, их возили шофёры. По воскресеньям они отпускали водителей, и проводили время в палатках. Приглашали меня и угощали виски. О чём говорили? О винах, кулинарии, о женщинах. Однажды я ехал с нашими двумя офицерами на трофейной машине с шофёром Сашей. Машина в поле забарахлила и встала. Саша не знал, что поблизости имеется СТО, и сам стал возиться с мотором. Сидим в машине. О чём говорим? Декламируем Пушкина, Лермонтова!

Бригада ответственно выполняла свою работу. Побегов из лагеря не было. По делам Бригады я часто бывал в Париже. Однажды советская военная миссия поручила мне сопровождать в Брюссель советника по устройству там посольства. Машину дали французы. Вёз нас французский военный из русских эмигрантов, иранский уроженец. Личность его несколько озадачила советника. Выезжая из Парижа, он долго путал дорогу. Затем ехать было трудно по асфальту, разбитому танками. Кроме того, водитель извинялся: «Поставили новый мотор. Он ещё не обкатан». Недалеко от города Компьень, шестьдесят километров от Парижа, нас занесло в кювет. Мы целы, но машину надо было бросить. Шофёр вдруг испарился. На попутке мы вернулись в Компьень. Принял нас вице-префект, заказал изысканный ужин в гостинице, куда нас и поместил. До ночи беседую с советником. Разумеется, органы его проинформировали, кто я такой. Говорили по душам, это был период краткой политической эйфории. Маршал Жуков казался предвестником новой эры в СССР. Советник даже выразился: «Мы, как православные...»

Утром требуем машину у местных английских военных властей. Командующий округом заявляет, что пока машины нет, и надо ждать. Мы, разумеется, ждать не стали, вышли на брюссельское шоссе, помахали водителю, американскому негру, и приехали в столицу Бельгии.

В Брюсселе советник оставил меня в ЦК бельгийской компартии. Коммунисты были во временном правительстве. Меня принял коммунист-министр Диспы. В ЦК я был свидетелем пыток, которым подвергали молодого коллаборанта. Всё лицо у него было в крови. Диспы заверил мои партизанские документы, что в последствии сыграло положительную роль при получении французского подданства. Я переночевал на каком-то диване и вернулся в Бригаду опять на негритянских перекладных.

О. Алексей Стричек (третий слева) и военные

И вот, лет тридцать спустя, в масленицу, я ем блины у друзей-эмигрантов в парижском пригородном Сент-Женевьев-де-Буа. На столе большая ваза со свежей чёрной икрой. Пристально смотрит на меня один из гостей и вдруг спрашивает: «Отец Алексей, вы помните меня? Я шофёр, который вёз вас в Брюссель и не довёз. Мне было поручено союзниками убрать вас с вашим советским советником. Они опасались, что вы едете организовать в Бельгии коммунистическую революцию». В самом деле, во временном правительстве там преобладали коммунисты, и смогли бы мобилизовать тысячи освобождённых советских граждан, работавших на шахтах. Однако надежды коммунистов не осуществились.

Шофёр, потрудившись в различных разведках, успешно торговал иранской икрой и коврами. Мы ещё раз виделись с ним, уже совсем дряхлым, но всё ещё состоятельным стариком, но иранской икры на столе не оказалось. Тем временем в Иране произошла своя революция. Она разорила отца одной милейшей моей студентки-русистки, Фредерики. Её отец организовывал празднества по случаю коронации персидского шаха, вскоре сверженного, именно ему и пришлось расплачиваться с кредиторами за всю восточную роскошь.

«На Родину!»

Материальное благополучие Бригады оказалось эфемерным. 12 апреля 45-го года умер Рузвельт, и президентом США стал Гарри Трумэн. Всего какую-нибудь

неделю спустя, был назначен новый командующий нашего лагеря. Без каких-либо особых формальностей и предупреждений, он посылает в Бригаду своего переводчика, американца с русифицированной фамилией «Шифферов», и поручает передать нам правила нового для нас «национального» режима. Отменяются некоторые привилегии, которые мы ранее имели. Вводятся ограничения на некоторые продукты (копчения и сыры) и некоторые предметы и приборы. Например, на завтрак подавать кашу.

О. Алексей Стричек и военные в ателье, 1945 г.

Наша реакция была немедленной: больше для американцев не работать! Связались с генералом Драгуном, возглавлявшим Советскую военную миссию в Париже. Про нашу Бригаду ему было известно, что это самая дисциплинированная партизанская организация в Западной Европе. Юг Европы был уже освобождён, и репатриация на Родину стала возможной. Наша прославившаяся Бригада возглавила список кандидатов на отправку.

Тут выпало действовать именно мне. Не колеблясь, я позвонил прямо в Министерство железных дорог, и выхлопотал специальный эшелон Майи-ле-Кан - порт Марсель. В конце апреля на станцию уже прибыли пассажирские вагоны. К ним прицепили мягкий вагон для сопровождающих нас американцев и вагон с продовольствием. Товарищи мигом обустроились, развесили патриотические транспаранты. Украсили состав зелёными ветвями берёз.

Безоговорочно считая меня своим, вписали меня в офицерский состав Бригады. (У американцев я имел звание капитана). Мне говорили: «России нужны люди, знающие языки, этикет европейский, поедете с нами, вы наш».

Естественно, я связался с начальством моего Ордена, те – с Ватиканом. Ответ был дан кардиналом Тиссераном: «Остаться во Франции». Это распоряжение я счёл волей Божьей. Послушание, обет, приносимый монашествующим, является основой любого религиозного общежития: воля начальника – воля Божья. Для моего ума это было всегда непреложным, но сердце затосковало. Как хорошо мне жилось с любимыми мною партизанами!

Я сопровождал товарищей до самого марсельского порта. Американцы выдали Тихону, нашему завхозу, провиант на ужин и завтрак. Наутро в моё купе приходит американский сержант и требует точный список командиров и рядовых. Зову Тихона: «Дайте им точный состав!» «Да, да», - говорит он и уходит. Минут через десять сержант возвращается. Снова зову Тихона. Он бурчит: «Ды, не надо!» На первой остановке иду вдоль состава. В вагонах едят, пьют. Всё было очень просто. На одной станции ребята вломались в стоящие на другом пути американские вагоны, перебросали к себе ящики с продовольствием и напитками. Вообще, американцы плохо следили за своими составами. Пропадало и оружие.

Но вот - незапланированные остановки. Спяну три раза наши пассажиры срывали стоп-кран. Сирена воеет, железнодорожники суетятся, они не сразу могут разобраться с разблокировкой, вагоны-то ведь собраны со всех стран Европы.

На сортировочной станции в Дижоне нас ставят на запасной путь, объясняют, что мы нарушили график, и нет свободного паровоза. Иду с лейтенантом Трефиловым к комиссару депо. Он уже знал про наши художества. Паровоз прицепили к другому, идущему на фронт поезду. Вышла у нас перебранка с комиссаром депо. Я уже говорил, что с французами мы не церемонились. Я повысил голос, а вспыльчивый Трефилов выхватил наган и трижды выстрелил. Такого комиссар не ожидал. Крайне возмущённый, паровоз всё-таки выделил.

На пути красный семафор заставляет нас долго ждать. Товарищи видят канал. Выпрыгивают, бросаются в воду. Машинист вдруг даёт гудок, и поезд медленно трогается. Купальщики вскакивают на подножки вагонов. Некоторые не добежали. Скандал: от состава отстали двадцать пять человек. По приезде в Марсель эти двадцать пять радостно встречают нас, так как у нас случилась ещё одна задержка, а они успели добраться туда раньше нас ... На вокзале в Лионе подхожу к машинисту. Несу коробку с консервами и прошу поспешить, ибо сильно опаздываем. «Коммунист, камарад!», - говорит он. Гонит состав на большой скорости. Раздаётся свист сирены. Опять стоп-кран? Нет, это загорелась тормозная колодка одного вагона. Потушили, едем дальше до конечной станции. На автобусах нас везут к дебаркадеру. У причала стоит британское военное судно. Уже дежурят советские агенты. Час отплытия – военная тайна.

Наконец, прощание. Потом с палубы машут мне руками. До свиданья, навсегда? Да. Только позже, в Москве, я увижусь с Трефиловым. Я буду вести переписку со своим частым собеседником, рязанским педагогом Дресвянкиным. Тоня мне напишет про свою жизнь.

В Марселе я был принят французскими военными властями. Меня причисляли к национальным героям. Предлагали отдыхать в Монте-Карло, где военные располагали отличными гостиницами, но я сел в парижский поезд, чтобы включиться в жизнь дорогого мне Сен-Жоржа.

Мне говорили, что в Одессе наших партизан встречали торжественно, и что в «Правде» была статья о героической «Русской Партизанской Бригаде «За Родину»».

Вопреки печальной судьбе вернувшихся на Родину советских людей, наши партизаны в лагеря отправлены не были. Подполковник Шукшин был назначен начальником советской военной миссии в Брюсселе.

Уже после смерти Сталина, в 1960 году, в Саратовском книжном издательстве вышла документальная повесть А. Вольфа «В чужой стране». Книга перепечатывалась большими тиражами несколько раз. Приведу одно из мест книги, где говорится обо мне.

«...заявился Кучеренко. Он доложил, что приехал с чехом-священником Алексеем, который имеет поручение к командиру русских партизан от антифашистской организации русских эмигрантов. Об отце Алексее Дядькин уже знал, Чех давно сотрудничает с бельгийскими партизанами, и несколько раз выполнял поручения Кучеренко, которые ему передавались через бельгийцев. Отец Алексей, разумеется, и не догадывался, что работает на разведку бригады. Действовать ему было много легче, чем другим: священник отлично знал не только Бельгию, но Францию, Голландию, свободно владел немецким, фламандским, английским, французским и польским языками. Для партизанской разведки он был настоящей находкой».

...«Дядькин ожидал увидеть пожилого, убелённого сединами священника, а перед ним стоял совсем ещё молодой человек, лет двадцати восьми, стройный, с энергичным и умным лицом». (Стр. 290).

Во время перестройки книга вышла на фламандском языке, с обширным комментарием, документацией и моими сообщениями. (Arthur Wollands, Jos Bouveroux, Russische Partizanen, WOO II Limburg, Davidsfonds/Leuven). Состоялась встреча в Российском посольстве, на которую меня приглашал посол, но я уже давно обжился в Сибири. Новосибирск мой любимый город, а ездить по Европам я перестал.

Париж

В Париже Интернат Святого Георгия праздновал мой приезд. Во мне видели советского человека, и не только из-за звезды на фуражке, сапог и галифе. Я принёс песни: «Катюшу», «Кипучую, могучую», «Трёх танкистов»... Даже эмигрантские молодёжные организации просили прислать им тексты песен. А мой русский язык? Русский шофёр в Париже «управлял» автомобилем, а я говорю, что «он водит машину». Что за оборот «нас бомбили самолетами», вместо нормального «нас бомбардировали аэропланы»?

Некоторая часть эмиграции перешла на советскую сторону. В большом кинотеатре шли советские фильмы. Билеты брали с боем, несмотря на час сеанса - воскресенье, десять утра, начало Литургии в храмах.

В день пасхи 45-го года, в русском соборе на Рю-Дарю, митрополит Евлогий, в присутствии членов советской военной миссии, в кратком своём приветствии сказал: «Поздравляю вас с победой! Кому мы обязаны этой победой? Великому русскому народу и его вождям». Его Преосвященство бывал у посла СССР, как и другие деятели эмиграции: философ Бердяев со своим другом, нашим отцом Дмитрием Кузьминым-Караваевым. Отцу Дмитрию посол сказал: «К сожалению, у нас нет работы по вашей специальности». Выходила просоветская газета «Русские новости».

Эмигранты были поделены. На Елисейских полях всё ещё висела гордая световая вывеска бывшей ежедневной газеты «Возрождение». Многие оставались

бесподданными, с Нансеновскими паспортами апатридов. Их число увеличивалось с приходом бывших советских граждан, «новой эмиграции».

Летние каникулы

В Интернате меня назначили воспитателем. Мальчики почти все учились в престижном колледже Франклин, управляемом отцами-иезуитами.

Настали летние каникулы 1945-го года. Директор Сен-Жоржа отец Павел Майё отправился на морской берег в Бретань, в поисках места для лагеря. Тем временем с небольшой группой мальчиков я поехал в недалекий город Дурдан. Там кто-то подарил отцам-иезуитам большой лес с замком. Оккупанты оставили его без водопровода и электричества, без окон и дверей. Был насос с мутной водой.

Сестра одного мальчика отправляла нас со стишком:

«Едем, едем мы в Дурдан,
Интернатский балаган.
На соломе будем спать,
Что попало, будем жрать».

Так оно и было. Помогал мне милейший, чуть юродствующий, молодой отец Всеволод Рошко, попросту «Севка». Рано утром я послал его на фермы доставать еду. Ждём к обеду, а его нет. Сварили на костре кашу на воде. После обеда пошли купаться в бассейне недалёкого городка. Устали, я несу на спине малыша Родионова, братишку трёх сестер, которые вместе с братом составят в Женеве православный церковный квартет.

Вечереет, Севки всё нет. Варим кашу, лежим на соломе. Некоторые засыпают. Стемнело. Вдруг слышится шорох. Это возвращается наш Севка. На плечах у него рюкзак и рама от велосипеда. В руке колесо. Из рюкзака он вынимает подаренную ему на ферме баранью ногу и разбитый горшок со смальцем. Семья одного фермера накормила его обедом, он поиграл с детьми до самого вечера. «На обратном пути, - объяснял он нам, - потерялся в мыслях, и упал».

Потом, уже около сорока подростков мы повезли в Бретань. Сопровождали нас кое-кто из родителей. «Мартэн» и «Ачкас» шалят, потом рассматривают комиксы. Мать двух пай-мальчиков говорит мне: «Обратите внимание, как оба внимательно читают журнал «История»». Я вспомнил этот разговор, когда Мартэн защитил докторскую, а Ачкасов был послан в Москву представителем французского телевидения.

Приехав парижским экспрессом на конечную станцию в Бретани, мы перегрузили наше добро на узкоколейку с выбрасывающим искры паровозиком. Мы поселились в католической школе. Девочки, почти все сёстры наших учеников, разместились в параллельном со школой пансионе. У меня долго хранилась фотография с Мариночкой Поляковой. Это, ставшая потом кинозвездой, Марина Влади, жена Высоцкого. Родители хотели поместить дочку в парижскую католическую среднюю школу, элитную «Ля Тур», но когда монахиня-директор узнала, что мать давала Мариночке уроки балета, о приёме и речи быть не могло.

Девочки не должны были купаться с мальчиками. Когда монахини видели, что мы идём купаться по одной дороге, они уводили своих воспитанниц на другую. Разумеется, мы забегали вперёд и ждали в кустах, чтобы потом броситься в море, где купались девочки.

На следующее лето мы выбрали северную часть Бретонского полуострова в устье небольшого залива. Это была рыбацкая пристань с молом и тремя домиками.

Немцы нашли место стратегическим, и соорудили там железобетонный блокгауз. Во время прилива вода поднималась на несколько метров, а при отливе можно было перейти на другой берег по суше. За водой мы ходили с бочкой, прицепленной к велосипеду. Уборной служили кусты и гроты в скалах.

Еды нашим заядлым купальщикам казалось недостаточно, и я решил пойти по фермам за подаянием. Давали деньги, яйца и пшеницу, и только просили помолиться о них. Набрался мешок пшеницы, и я поехал на велосипеде с моей поклажей на мельницу. Вхожу в кабинет хозяина и прошу смолоть моё зерно. «Где ваша пшеница?», - спрашивает он. Он хотел видеть наш грузовик. Я указываю на велосипедный прицеп. Рассмеялся, и приказал рабочему взвалить на мой транспорт большой мешок муки. Она оказалась первосортной.

Поварами у нас работали харьковчане Шопины., из «перемещённых лиц», то есть людей, оставшихся на Западе. Он, инженер сталеплавильного завода, она – инженер-путеец. Трое детей. Они в восторге от моего приобретения.

На следующий день мы поехали на экскурсию. Вечером возвращаемся, слышим приятный запах. Шопины пекут «наполеон» почти из всей добытой муки и яиц. Мы не едим, а лопаем. Доедали на следующий день.

Недалеко от нас высился старинный замок Фор-Лалат. Иду с Шопиными осматривать эту достопримечательность. Нас впускает старый инвалид. Выходя, Шопин подаёт сторожу не монету, а купюру. У старика заблестели глаза: «Вы не русские?» Вероятно, вспомнил щедрость былых русских посетителей.

Моя учёба

Тем временем я кончал теологию в парижском Католическом Институте. Там преподавали лучшие богословы, экзегеты, но Институт не был школой, как в Лувене, где студенты и профессора жили в одном доме, обменивались своими взглядами и помогали друг другу в понимании богословских проблем.

Случилось мне тогда встретиться с отцом Тейяром де Шарденом. За обеденным столом у парижских отцов-иезуитов я сидел напротив и созерцал его лицо, умудрённое духовным опытом и невзгодами в учёной деятельности. Общеизвестно, что самые важные философские труды оставались под спудом церковного запрета до самой его смерти. Особенно поразил меня его спокойный взгляд, когда мы были вынуждены слушать катастрофические предсказания одного гостя, неизвестно каким образом очутившегося за иезуитским столом. Это был хорват, экс-иезуит, известный под фамилией Колакович. Я познакомился с ним, живя в Загребе. Там он пользовался большим успехом среди молодой интеллигенции. Переселился в Словакию, где стал кумиром студентов-медиков, целителем и неким магом. Под большим секретом сообщал, что он всё ещё иезуит, но ввиду особого посланничества отец-генерал просил его скрывать своё членство в Обществе Иисуса.

Когда подали кофе, Колакович вынул из сумки карту мира. Красным цветом на ней были указаны государства, где восторжествует коммунизм. Отец Тейяр молча слушал о предсказываемых катаклизмах, как о любом историческом процессе.

Предсказание гостя подтвердилось.

Тридцать лет спустя в мою комнату входит мужчина в чёрном пальто, с чёрной шляпой: никто иной, как сам Колакович. Садится, подаёт мне пачку долларов на мои нужды. Из портфеля достаёт большой пакет распечатанных на ротаторе

тетрадей с целью распространения. Это был перечень еврейских фамилий, с указанием их должностей в американской высшей администрации.

Смотреть бумаги я не стал. У нас тогда жил один успешно переплывший границу СССР молодой еврей, поэт. Имея знакомых евреев в парижской администрации, я выхлопотал для него вид на жительство во Франции. Я дал ему посмотреть один экземпляр бумаг Колаковича.

Прошло некоторое время, и я получил приглашение от жены министра внутренних дел, Элианы Бикер, явиться к ней на её виллу. Элиан я знал ещё студенткой, и помог ей сдать экзамен по филологии. Её будущий муж, Жюль Мок, уже тогда был крупным деятелем социалистической партии.

Элиан усаживает меня в своём салоне, без предисловия говорит о геноциде евреев при немцах, и, с негодованием, обвиняет иезуитов в злостной антиеврейской пропаганде. Слушать меня не захотела. Дело было в том, что мой протеже послал ксерокопию тетради Колаковича министру, заявив ему об иезуитской пропаганде, направленной против евреев.

Что ж, всюду есть козлица среди овец.

Элиан долго игнорировала меня на собраниях, выставках, но кончился инцидент одним её милым письмом ко мне. Она не могла не знать, сколько у меня искренних друзей в Париже среди еврейской интеллигенции.

Учась в Католическом Институте, я ездил слушать лекции в Православном Богословском Институте. Там главенствовала доктрина отца Сергия Булгакова, непризнанная Московской Патриархией. Преподавали богословские знаменитости, среди них – бывший министр исповеданий при Временном правительстве, автор одной из лучших историй Русской Церкви, А. В. Карташов. Атмосфера в Институте была самая христианская и дружественная. Я, католический священник, чувствовал себя братом среди своих во Христе. Присутствовал на длинных службах в их храме, читал псалмы, пел в хоре.

Шла семичасовая служба первой недели поста. В конце идёт причащение священников. Тишина. В алтаре сидит старенький владыка Иоанн. Внезапно на весь храм раздаётся его громкий возглас: «А когда будем обедать?»

Третья пробация

Чтобы принести последние обеты в Обществе, полагается пройти десятимесячную так называемую третью пробацию. Это период углублённой молитвенной жизни, включающий месяц Духовных упражнений в полном молчании, и пастырскую практику в приходах.

Этот «третий год» я провёл в Паре-ле-Мониаль, городе со знаменитым, прекрасным романским собором. Ехал я туда парижским поездом. По прибытии на вокзал на перроне оказалось несколько собратьев, приехавших, как и я, на третью пробацию. Наш будущий дом «Ла-Коломбьер» находился на другом конце города. Мы сложили наши чемоданы в кучу, а двое из нас пошли в Ла-Коломбьер за машиной. Отец-министр, то есть эконо́м, говорит, что вуатюр (слово это обозначает любое средство транспорта) мы найдём во дворе. Вуатюр этот была простая повозка. Горожане с любопытством смотрели, как группа молодых священников тащит и толкает нагруженный чемоданами, грохочущий, безрессорный экипаж. Такой нам был дан первоначальный «искус» смирения.

На практику меня послали в город Шалон-сюр-Сон, в железнодорожный приход. Там я должен был проповедовать ежедневно в течение Великого поста. Ещё не

было микрофонов, и полагалось говорить минут сорок достаточно громким голосом во всеулышанье.

Первым делом предстояло посетить все семьи района, прихожан и не прихожан. Они жили в индивидуальных казённых домах. Меня сопровождал молодой священник, помощник настоятеля. Все принимали нас с почётом, даже коммунисты. Возвращаясь к себе, я чувствовал боль в скулах: столько довелось улыбаться, особенно детям.

Всё свободное время уходило на подготовку проповеди. Под конец работы в приходе я стал уставать. Однажды я собирался говорить о Евхаристии, но в голове было совершенно пусто. Как зверь в клетке я ходил по двору, обдумывал тему, но безрезультатно. Вечером вхожу на проповедь в заполненный людьми храм, импровизирую, говорю положенных три четверти часа. К моему ужасу вижу у входа всю местную русскую православную колонию. Подхожу, чтобы поздороваться, я ведь всех посетил. «Как вы хорошо говорили, отец Алексей!», - поздравляют меня.

Потом в течение трёх дней мне предстояло готовить подростков к так называемому Торжественному Причастию. Это чисто французская практика, нечто вроде конфирмации у протестантов.

Я приехал в небольшой бургундский город Сансе-ле-Гран. Представляюсь приходскому настоятелю, и говорю, откуда я родом. «Мне не писали, что пришлют иностранца!», - было его приветствием, но менять руководителя подготовки детей было неудобно. В зале меня ждало около сорока подростков, мальчиков и девочек. Здесь же стояли приставленные настоятелем монахиня и молодой священник. Экзамен для меня прошёл удачно, и меня оставили в покое. Произошёл только один инцидент. Сын важного местного жандарма мешал разговорами и всё время шутил. Я решил удалить его. Об этом узнал отец мальчика, а для него это было бы позором в городе. Дождавшись сынка в коридоре, и вклеил ему такую жандармскую затрещину, что парень сразу обратился во внимательного слушателя.

За три дня я нашёл общий язык с подростками, мы подружились. В день торжественного причастия своим словом на богослужении я растрогал родителей и самого настоятеля. В конце церемонии он торжественно заявил: «Дорогие прихожане, закон не позволяет устраивать религиозные процессии, но кто запретит нам пойти помолиться у памятника нашим воинам!» Весь народ направился к памятнику. Впереди шли мальчики в новых костюмах при белых галстуках, за ними девочки, как невесты Христовы в белоснежных платьях.

На торжественный обед у настоятеля пожаловал хозяин крупного местного виноградника, и я впервые услышал опьяняющий запах старого бургундского.

В Паре-ле-Мониаль есть часовня на месте явлений Иисуса Христа Святой Марии Маргарите Алакок. Мы ходили туда молиться. Однажды мы встретили там двух дам, приклонивших колени в молитве. Выйдя из храма, мы видим, как хозяйка из ближайшей кондитерской несёт им поднос с шоколадным тортом. Благочестивое с приятным!

Посылали меня слушать исповеди. В одной лечебнице подошла исповедаться девушка необычайной красоты. С болью она говорит: «Грех у меня один, вы понимаете, какой». Я смог только сказать: «Прощаю и разрешаю...». Ещё и сегодня перед глазами у меня это сокрушённое лицо, а затем озарённое радостью во время Причастия.

Медон

Кончилась война, и отцы-иезуиты стали возвращаться из рассеяния в Париж. Пришло время, чтобы освободить их дом, предоставленный нам во время войны.

Эконом отец де Жиберг, заботившийся о нас, читает свежий выпуск газеты «Ле Монд», и находит в ней сообщение, что в пригородном Медоне продаётся имение. Надо поспешить. Созванивается с продавцом, и вечером того же дня был подписан контракт о покупке Интернатом прекрасного имения «Потаже дю Дофен» (Огород Дофина) по улице Рю де Порто Риш, № 15. Большой дом, почти замок с пристройками, большим парком. Можно увеличить приём пансионеров до ста. Армия дарит нам три барака для дополнительных классов. Младших учеников мы обучаем в самом Интернате, старших посылаем в городские школы, уже окончившие среднюю школу, ездят в парижские институты. Десять минут езды электричкой.

Для парижан Медон был местом отдыха. Он окружён большим лесом, простирающимся до самого Версаля. Купол Медонской обсерватории виден издали. В Медоне всегда жили, и теперь живёт большое количество художников, писателей. Есть музеи Рабле и Родена, дом философа Маритена. Здесь одно время жила Цветаева. Действует православный приход, построен красивый храм. На кладбище много русских могил. С Интернатом соседствовали четыре эмигрантских дома с садиками. Затерялась у меня поэма, в которой описано воскресенье у одного из соседей: у него побывало сто русских гостей.

Педагогика состояла из смеси практики иезуитских колледжей и русских кадетских корпусов. Воспитателями работали царские полковники методом, установленным ими ещё в Константинополе. Можно было слышать: «В одну шеренгу становись! Шагом марш! Локти со стола!»

В начале еды пелась молитва. За обедом шло чтение нескольких страниц русских писателей, Чехова, Зощенко, Гоголя и других. У детей было тонкое чутьё к художественной правде. Гоголя слушали, а когда перешли на Горького, стали шуметь. По окончании чтения могли разговаривать, но только по-русски. Кто сказал слово по-французски, тому передавали «тюбик», небольшую дощечку. У кого в конце еды оставался тюбик, получал наказание: убирать со стола, подмести пол, подбирать бумажки в парке. Уже в Париже в столовой висела большая надпись: «Ты русский, говори по-русски».

По окончании средней школы ученики сдают государственный экзамен, так называемое «башо» (теперь «бак» от слова бакалавриат). Надо владеть иностранным языком, на выбор. Допускался русский язык. Только требования были для русских непреодолимыми. Экзаменатор мог спросить, например: «Почему глагол писать спрягается, не «писаю», а «пишу». Почему говорится не «влекёшь», а «влечёшь?»» Многому меня уже научили в словацкой гимназии, но необходимо было освоить французскую лингвистическую терминологию, а в литературном разборе требовался французский анализ текстов.

Работы в Интернате у меня было достаточно, однако мне необходимо было поступить в Сорбонну на филологический факультет. Когда у пансионеров шли уроки, я на велосипеде сматывался в Париж на нужную лекцию. Когда мне подарили старенький автомобильчик, и он не заводился, мальчишки гурьбой толкали мой драндулет, и я на нём пулей вылетал на улицу.

Мною был составлен учебник, и многие ученики наши стали изумлять экзаменаторов теоретическим знаниями русского языка и литературы. Небольшая

группа подростков попросила меня давать им уроки греческого, сверх латинского и немецкого. Один из этих энтузиастов, Юра Мартиновский, как я уже говорил, станет университетским профессором.

Многие преуспевающие вышли в люди. Были и есть среди них врачи, биологи, атомщики (Зайцевский и Антонов), ракетчик Волконский, журналисты (Карлинский, Ачкасов), кинематографисты (Барер, Оссен), дипломаты, православные священники и выдающиеся богословы (Мейендорф, Лосский, Бобринской). Немало недошедших до «башо» и освоивших в Интернате русские музыкальные инструменты, русские песни и пляски, стали профессиональными певцами и музыкантами парижских русских ресторанов. Составляли хоры русской светской и церковной музыки.

Общий снимок, Медон, 1953 г.

В русской эмигрантской литературе немало места уделено истории учебных и воспитательных заведений. Можно только сожалеть, что нигде не упоминается ни Интернат Святого Георгия, ни лувенское студенческое общежитие, даже в обстоятельном труде Марка Раева «Россия за рубежом».

Можно понять некоторых воспитанников этих учреждений, которые по религиозным или карьерным соображениям скрывают, что долгие годы учились или проживали у иезуитов.

После отца Павла Майе Интернатом управляли отцы, целиком посвятившие свои силы на благо Сен-Жоржа. Отец Андрей Стерпен, внук губернатора Камчатки по материнской линии, спортсмен, страстный любитель русского церковного пения и регент хора. Своим глубоким басом мог конкурировать с любым соборным архиереем. Позже он стал советником переводчиков журнала «Символ» и решал трудные лексические вопросы, связанные с внедрением новой богословской терминологии. По иезуитскому уставу настоятели сменяются. После отца Андрея домом управлял отец Игорь Зендлер, иконописец, автор монографий по русским иконам. Отец Франсуа Руло, смиренный монах, богослов, автор статей и книг о

русской духовности. Его правилом было полное доверие к собратьям. Золотой девиз! Настоятелем медонского дома шесть лет отработал отец Эдуард Хубер. До поступления в Общество Иисуса он воевал в германской армии и, опытный альпинист, поднимался до кавказских вершин. Недолго руководил Сен-Жоржем отец Антуан Эленц, учёный-биолог, печатавшийся и в советских журналах. Смиранный аскет, он жил с кардиостимулятором, и рано скончался. Как не упомянуть о рачительном долголетнем хозяине медонского дома, отце Рене Маришале, филологе, теологе, хранителе «Славянской библиотеки», созданной в 19-ом столетии отцом Иваном Гагариным. Он основатель и редактор журнала «Символ», который печатался в Париже и распространялся нелегально в России. В этом году вышел 48 номер.

Все эти настоятели были мне дорогими собратьями. Свыше пятидесяти лет они терпели, меня, не всегда податливого. Настоятелем можно быть не больше шести лет. Все медонские отцы назначались поочередно на эту должность, только я потрудился в Сен-Жорже в качестве простого, рядового иезуита.

Погружение в русскую атмосферу

Как правило, сотрудники Интерната проживали в самом Сен-Жорже. В свободное время, особенно в конце недели, любили проводить время в парке. Собирались знакомые, велись беседы, пелись русские песни. Приходили и студенты-руссисты из Сорбонны. Разговоры оживляли отец Дмитрий Кузьмин-Караваев, преподаватель русского языка Юрий Николаевич Маклаков, выросший в Ясной Поляне католический священник князь Сергей Оболенский, обо всем информированный Петя Ковалевский. Его мама была владелицей большого особняка в Медоне. Стены комнат занимали полки с редкими русскими книгами.

К этой среде присоединятся Юрий Демидов, хранитель традиций русского купечества, и незабываемый Николай Иванович Гоголев, после отца Дмитрия ходячая энциклопедия русской культуры. Его все звали просто дядей Колей. Этот бессребреник и человек не от мира сего стал душой всех медонских курсов и всю свою жизнь целиком посвятил Сен-Жоржу.

Отцы Медона, 1956 г.

О. Алексей Стричек

Кажется, забыл сказать, что отец Дмитрий, входивший в российское литературное общество, друг Александра Блока, Вячеслава Иванова и многих других, был первым мужем знаменитой позже поэтессы монахини Матери Марии, погибшей в германском концлагере.

Я говорил о дяде Коле, была ещё и тётя Надя, по фамилии Лопатина, ей поверяли сердечные тайны наши студентки. Кто знает французский, оценит её парижский русский язык. О своей личной жизни она откровенничала: «Я не кушировала немпорт с кем!» (Не с любым же ложилась).

Биографии друзей богаче моей. Это были всё исключительные личности с богатым прошлым, свидетели событий двух мировых войн, эмигрантских скитаний, и всегда верных заветам русской культуры и лучших черт жизни русского общества. Могли и подтрунить над собой. Много писалось тогда о русской душе, таинственной «vme slave». Один француз спросил (только не помню точно у кого из интеллигентов), что такое «ам слав» и получает ответ: «Это просто плохое воспитание».

Про медали, награды за героизм на фронте не все пускались в подробности. Так отец Кузьмин-Караваев не хвастался своим «Георгием». Он получил его на фронте, где заведовал снабжением. Когда немцы прорвались в село, где была расквартирована его часть, он не пустился в бегство. Вскоре русские снова заняли

деревню, застав храброго офицера на своём посту. Оказалось, что он всё это опасное время просто проспал.

В 1949 году мы разослали листок с программой летних курсов. Записалось сразу сорок студенток и студентов. Успех слушателей наших курсов на экзаменах побудил нас принимать студентов во время летних, рождественских и пасхальных каникул. Профессора факультетов всей Западной Европы, а позже, и заокеанских университетов, стали посылать в Медон своих студентов. Когда был построен дом на Женевском озере, курсы мы стали устраивать поближе к пляжам озера, а, зимой, к заснеженным Альпам.

На курсах побывало около пяти тысяч участников.

Начинается летний курс. Я принимаю студентов в холле. Входит студент. У них на факультете они изучают разговорный русский язык.

Здоровается: «Привет! Как дела?»

Я: «Ну, хорошо. Как ваша фамилия?»

Он: «Вау, блэск! Они на пляже в Брайтоне».

Студентка: «Я Сильви Делягранмотдешан»

Я: «Вашей фамилии в списке нет».

Она: «Правда ли? Я вам пи'сая!»

Я: «Мы получили Ваше письмо без обратного адреса».

Она: «Какая я биля дура! Не правда ли?»

Год 1968

Революционные волнения 1968-го года были преимущественно молодёжными. Они начались в университетах и лицеях. Сорбонна была превращена в ночлежку, заваленную мусором. Бульжники с мостовых поднимали на крыши домов, и швыряли в машины. Горели автобусы.

Я ехал на машине по площади Сен-Мишель. С одной стороны стоит полицейская шеренга со щитами, с другой - толпа студентов с бульжниками. Едва я успел проехать, как посыпался каменный град.

Вечером я ужинал у господина де Шлезинг, бывшего директора агентства Гавас. Его дочь была моей ученицей. Она не ужинала с нами. Переделась в горничную и поехала в Латинский квартал. Машину, разумеется, припарковала подальше от пекла, где шли основные столкновения. Вернулась поздно, героиней, вся растрепанная, измазанная.

Известно, что студенты, шедшие на автомобильный завод для соединения с рабочим классом, нашли ворота закрытыми.

Я тогда преподавал в Нантерском университете. Все стены зданий были измазаны лозунгами. Красовались и рисунки «порно».

После волнений я зашёл в старое здание Сорбонны. Раньше там преподавали важные профессора. Дверь им открывал служащий, обязательно принимал их шляпу и *трость*. Аудитория битком набита студентами. Слушают, молча записывают.

Теперь в большой, по-ришельевски декорированной зале за кафедрой сидел ассистентик, перед ним – не больше дюжины слушателей. Для меня эта сцена была шоком. Преподаватели смогли приходиться в свитере, мода, которую ввёл сам президент Жискара Д'Эстен.

Папы

Событием, предшествовавшим маю 1968-го года надо считать Второй Ватиканский Собор. Я получил билет на открытие первой сессии (11 октября 1962 г.). Когда очутился на площади святого Петра, опоздав на какие-нибудь четверть часа, увидел, как епископы и кардиналы покидают базилику. Мне пояснили, что председательствующий кардинал Тиссеран предоставил слово кардиналу Фринксу. Тот заявил, что отцы не принимают установленные Ватиканом Подготовительные Комиссии, и требуются новые выборы членов этой Комиссии. О том, как проходили дискуссии, мне рассказывал в Руссикуме мой друг отец Александр Кулик. Каждый вечер он передавал информацию о заседаниях представителю Московской Патриархии протоиерею Боровому. Замечания протоиерея передавались в соответствующие комиссии Собора.

О. Александр Кулик и о. Алексей Стричек

На одной сессии я сидел недалеко от папы Павла VI, а однажды увидел его выезжающим из Ватикана. Я помахал ему рукой, а он мне...

Папу Пия XII я увидел случайно, когда он был ещё Государственным Секретарём в Ватикане. Я гулял в парке Монте Пинчо. В нескольких шагах от меня останавливается большой, красивый автомобиль. Водитель открывает дверцу выходящему из неё кардиналу. Будущий папа прохаживается, читая свой молитвенник, бревиарий. Помолившись, он уезжает.

Номерной знак ватиканских машин SCV (Stato-Citta-Vaticano) римляне читали как: *Se Cristo vedesse!* – Если б Христос увидел!

Подобным образом я узрел британскую королеву в Лондоне. Проходил мимо Королевского дворца. Стоят люди. Выезжает машина. Я кричу по-французски «*Vive la Princesse!*» Проезжающая машет мне ручкой. Меня одергивают: «Это королева!». Ей, наверно, польстило, что я её омолодил.

Вернусь к папе Пию XI. Отношусь к его памяти с большим пиететом. Он построил Руссикум, посылал помощь голодающим в России. Рекомендовал верующим молитвенное воззвание: «Спаситель мира, спаси Россию!» Его повторяли в приходах, монастырях и католических учебных заведениях. Большое

значение имели его энциклики. В послании *Divini Redemptoris* он осудил коммунизм, а в том же 1937 году – нацизм в энциклике *Mit brennender Sorge*.

Папа принимает паломников. Волей-неволей все становятся на колени под благословление. Один мужчина остаётся ровно стоять. Папа спрашивает его: «Почему вы стоите?» Стоящий отвечает: «Я протестант». Папа ему: «Против кого протестуете?»

На аудиенции ректор Руссикиума подвёл к руке папы и представил ему меня и сопровождавших меня родителей.

О папе Иоанне XXIII я вспоминаю с нежностью. В бытность его нунцием в Париже, он посетил Сен-Жорж. Однажды меня попросили передать владыке Евреину пакет для диппочты. Настроение у меня было подавленное, не помню почему. В нунциатуре меня попросили подождать. Тут открывается боковая дверь, входит священник в чёрной сутане, присаживается, спрашивает, кто я, что делаю. Его слова участия к незнакомому молодому священнику меня настолько тронули, что я потом радостный выбежал на улицу. Это был будущий Иоанн XXIII.

Потом в Риме я слышал: выходит папа из храма, а одна женщина громко говорит другой: «Какой он некрасивый!». А папа ей: «Дорогая синьора, конклав не конкурс красоты!»

О неутомимости Иоанна Павла II расскажу только один случай. Весь день Тела Господня он провёл в процессиях. Я видел, как он в жару, в святительском уборе нёс монстранцию со Святыми Дарами от Латеранской базилики до базилики Святой Марии (*Santa Maria Maggiore*). Там он совершил краткое богослужение. Затем, вечером, явно уставший, он зашёл ещё в близстоящий Папский Восточный Институт. Поговорил с каждым из профессоров, в том числе и со мной. Чувствительно тронул отца Сергия Оболенского своими расспросами о его деятельности. Жаль, что снимок этой моей встречи с папой затерялся в бумагах, когда я покидал Европу.

Парижские институты

Филология и литературоведение были моим хобби. Постепенно я сдавал в Сорбонне экзамены по филологии и лингвистике. Проводил опыты в институте экспериментальной фонетики. Слушал лекции славного Бенвениста. В этом отношении Университет и другие институты, как *Hautes Etudes* или *Collège de France*, предоставляют многообразные возможности постоянной переподготовки и научного совершенствования. Однажды в *Hautes Etudes* приезжал Якобсон. Это было в период студенческих волнений 1968 года. Аудитория, коридор, лестница до самого двора были заполнены левацкой молодежью. Установили громкоговорители. Якобсона принимал сам Леви-Строс. Очередной модой был структурализм. Докладчик говорил о «знаке и означаемом», и, как бы, между прочим, заметил, что эти понятия *signum et significans* употреблялись уже блаженным Августином!

Я присутствовал на международной конференции, посвящённой работе мозга в процессе речи. Собрались учёные-энцефалоги из многих стран. Председательствующий открыл конференцию словами: «Господа, мы начнём конференцию с признания нашего полного незнания в данном секторе науки».

Иностранцы профессора усердно выбивали себе командировки в парижские институты. В *Hautes Etudes* приезжал американский учёный. Тема его исследований заинтересовала меня. Прихожу в аудиторию ровно в пять, как было

указано. В зале – пусто. Наконец, входит докладчик с секретаршей института. Раскладывает на столе свои опусы. Молча сидим некоторое время и ... спускаемся в буфет пить кофе.

В Сорбонне читал лекции Синявский (Абрам Терц). Русский отдел тогда находился во флигеле выставочного дворца Гран Пале. Больше чем в пяти минутах от метро. Для парижан это ужасно далеко. Там я защищал докторскую. У нас проживал норвежец Альф Граннес, будущий профессор Бергенского университета. Я посоветовал ему пойти послушать этого известного писателя. Аудитория была переполнена публикой. Синявский раздавал присутствующим конспект лекции. «Сперва только студентам!» - сказал он. Альф оказался единственным представителем студенчества среди профессоров и многочисленных слушателей старой и новой эмиграции. Докладчик он был превосходный, читал не по бумаге, а от полноты убежденности. Так несколько позже будет читать в Ecole Normale Сергей Бочаров час-два, и никто не шевельнется.

Розанова, жена Синявского, прочла в Сен-Жорже доклад о своих хождениях с мужем по Северной России, рассказала о тамошних языческих традициях жителей, живших и при Советах вдали от остального мира.

Ряд лекций в Гран Пале прочёл Исаченко. Это он привёл меня к сопоставительной лингвистике, в противовес структурализму. Не любил иезуитов, но в буфете мы дружески беседовали за кружкой пива. Вначале Исаченко преподавал в Словакии, потом эмигрировал в Америку. Ему дали кафедру в Калифорнии, но спецслужбы выяснили, что в анкете он не указал своё членство в КПСС. Его выслали, и он обосновался в Австрии, при Клагенфуртском университете.

Денис Фонвизин

Профессор русского отдела славистики Рауль Лабри обратил на меня особое внимание. Ему принадлежит большой труд о Герцене и двухтомник лингвистического комментария к «Капитанской дочке». Член антиклерикальной франкмасонской ложи Grand Orient, он, тем не менее, охотно принимал меня. Мы тогда ещё ходили всутане. Именно он подбил меня на докторскую, но вскоре умер. Помню, как, разговорившись со мной, сказал: «К несчастью, то есть к моему счастью, я неверующий. Сколько я трудился, а меня ждёт яма, куда меня закопают. Этого я принять не могу».

Случайно я заметил его на Лионском вокзале, как он спешил на поезд. Это была его последняя поездка на дачу. После каникул в Сорбонне состоялась гражданская панихида, посвящённая ему и ещё одному профессору. Пришли его жена с сыном и невесткой, несколько представителей Университета. Из многочисленных его студентов нас присутствовало только трое: студентка, назначенная начальством для прочтения панегирика, и я с другом, караимом Синани. Так проходит мирская слава! Александра Синани помнят многие медонские студенты. Преподаватель русского языка в парижском лицее, он приезжал в Медон, безвозмездно часами проверял и исправлял сочинения и переводы учеников требовательного, и порой беспощадного Рауля Лабри. Помню, как перед устным экзаменом не молодые уже студентки из эмигранток осеняли себя крестным знаменем, со страхом и трепетом подходили к строгому экзаменатору. А ведь некоторые из них были российскими золотыми медалистками!

У нас в программе были «Письма из Франции» Дениса Фонвизина. Я выбрал их в качестве темы докторской работы. После смерти Лабри несколько лет кафедру занимали другие профессора, пока на неё не был назначен Пьер Паскаль. Выпускник престижного института Ecole Normale Supérieure, был послан в Петербург в качестве французского военного атташе. Веря в Революцию, остался в России дезертиром, принял советское гражданство. Стал архивариусом, имел возможность ознакомиться с интересующими его старообрядческими архивами. При де Голле был помилован, вернулся во Францию, защитил докторскую: «Начала Раскола». Будучи католиком, он оставался в загоне, пока ему, ставшему широко известным, не дали Сорбонскую кафедру. Когда он умер, его племянник попросил меня отслужить заупокойную мессу. У католиков реквиему предшествует месса. В Церкви Сан-Пьер-де-Нейи все места были заняты. Присутствовали многие сорбонские профессора. В проповеди я процитировал несколько фраз из дневника покойного. Он вёл его в революционной России. Не имея оригинального текста, передаю только общий мотив записанного: «Сегодня четверг, я смог молиться на богослужении в храме Святой Екатерины. Пятница: на мессу пойти не смог». И так далее. Ежедневная молитва на мессе и Причастие были первостепенной его заботой.

При нём я закончил свою работу о Фонвизине. Её темой были только его письма из Франции. В ходе работы я констатировал, что комментарий к письмам требует биографических данных об их авторе. Оказалось, что вся биография столь знакомого в России со школьной скамьи писателя, не превышала одного печатного листа

В 18-ом веке многое печаталось анонимно, или под псевдонимом. Изучая фонвизинский язык и стиль, я нашёл, что некоторые художественно ценные вещи приписываются не ему, автору «Недоросля», а другим писателям, преимущественно Николаю Новикову. Тот отлично владел слогом моралистически-религиозным, но юмор и красочность живой московской речи, которыми так блестяще оперировал именно Фонвизин, были чужды Новикову. Я убедился, что к последнему двухтомнику «Собрания сочинений» Фонвизина (Москва, 1959) следовало бы присоединить целый том написанных им анонимных статей.

Эта атрибуция заняла у меня больше времени, чем я предполагал. Метод у меня был сопоставительный, трудоёмкий. Необходимо было изучить лексику, стиль и проблематику всех известных произведений Фонвизина, его комедий, писем и переводов с немецкого и французского языков. Следующим этапом был анализ всего, что писалось в России в шестидесятые и семидесятые годы 18-го века, и контрастный анализ всего корпуса данных. Таким методом я смог выявить перо автора «Недоросля» в большом количестве не только в Новиковских, но и других публикациях, например, в екатеринской «Всякой всячине».

Восстать против двухсотлетней литературной традиции – дело неблагодарное. Ещё до публикации книги я, было, высказал своё мнение на эту тему на одной конференции в Ленинском пединституте. Естественно, вызвал негодование профессоров: «Все учёные всегда приписывали и приписывают эти статьи Николаю Новикову». В это время только один всесторонне образованный литературовед Павел Наумович Берков поддержал бы меня, но его тогда уже не было в живых. Именно чтение изданной им книги «Сатирические журналы Н. И. Новикова» побудило меня заняться проблемой атрибуции анонимных статей,

опубликованных Новиковым, и попутно, другой анонимной печатью. По понятным тогда соображениям Берков мог только намекнуть на этот вопрос в комментариях к своей книге. Нельзя же было умалять славу этого великого «просветителя и антикрепостника» Новикова.

Прочтёшь две-три страницы из написанного Новиковым, тебе становится очевидным, что его язык не имеет ни малейшего сходства с речью Фонвизина. Если автор «Недоросля» - не сочинитель данных анонимных статей, то необходимо указать, кто из современников обладал талантом и манерой Дениса Фонвизина. Скажу определённо: не было такого.

При финансовой поддержке Сорбонны мой «Denis Fonvizine» вышел в 1976 году. Русский перевод смог появиться только во время перестройки (Москва, 1994 г.). Перевести пятьсот страниц текста, сохранить стиль оригинала, не допускать анахронизмов стоило немалого труда. Читатели единодушно считают перевод превосходным. Не без сердечной боли я должен пропустить здесь все подробности и совместные переживания, связанные с трудом весьма юных переводчиков моих, Алеши и Кати Каменских.

Хотя сорбоннская комиссия присудила мне отметку «*très honorable*», «отличную оценку», журнал парижской славистики «*Revue des Etudes Slaves*» ни единым словом не отозвался на публикацию моей диссертации. Когда в Сорбонне проходили Фонвизина, одна студентка, католичка, спросила у профессора N. его мнение о книге «господина» Стричека. Она получила краткий ответ: «Предпочитаю ничего не говорить». Не очень приятным сюрпризом для этого автора диссертации о Новикове оказалась статья «Изучение Фонвизина за рубежом», опубликованная в советском журнале «Русская литература» (М. 3, 1982). Надо отдать должное смелости автора рецензии П. Р. Заборова! Будет ли сочтено бахвальством, если процитирую заключение его статьи?

«Таким образом, из доступных нам иностранных трудов о Фонвизине наиболее интересным и важным следует признать книгу А. Стричека. Присущие ей серьёзность замысла, тщательность обработки и живость изложения материала, полного научного аппарата, высокая филологическая культура убеждают в том, что возможности французской русистики (хотя она находится сейчас на некотором спаде) по-прежнему очень велики».

Об атрибуциях Заборов говорит с осторожностью: «Как бы заманчивы они ни были, ждут подтверждения дальнейшими поисками в архивохранилищах страны».

О защите докторской я забыл сказать, что после всей длинной процедуры полагается, естественно, угощение в самом университете. Публики собралось много. Сен-Жорж не располагал большими средствами, мы не заказали фуршета, и публика разошлась без чёрной икры и шампанского Моэт-Шандон. В медонском парке, в узком кругу мы отпраздновали событие за бутылкой бордо.

Выходу в свет диссертации предшествовало издание моего «Руководства по русскому ударению». Оно вышло в парижском издательстве *Les cinq continents* (1966 г.). В этой книге я анализирую и классифицирую слова с подвижным ударением. На базе словарного корпуса (120000 слов) русского языка я составил исчерпывающий перечень терминов с подвижным ударением. Их оказалось всего процентов пять, но они обладают высокой частотностью в живой речи, как, например, существительные «стол», «гараж», «вода», «окно», «дети», или глаголы «пишу – пишешь, понял – поняла».

Однако, язык эволюционирует, и сегодня появились «договора'», «ветры'», «сосед больше не звонит', а зво'нит» и многое другое.

Добавлю, что на моё «Руководство по русскому ударению» вышли рецензии в различных странах, а в СССР книга указано в Грамматике АН СССР, но французские слависты её проигнорировали. То же самое можно сказать и об имевшем большой успех аудио-учебнике «Pratique du russe parlй», составленном в сотрудничестве с моей студенткой Мариной Любушкиной. Второе издание под названием «Le russe en revolution» (Русский язык в революции) было вызвано вторжением в область живой и печатной русской речи новой лексики, без которой сейчас и голову свою не вымоешь.

Не как «отец» Алексей, а как «мсье» Стричек я преподавал русский язык на технических факультетах, был экзаменатором по русскому языку в престижных институтах, (они называются школами) Ecole Normale Superieure de Sivres и Ecole Polytechnique. В последнем я долго преподавал, и там был издан учебник «Pratique du russe parlй». Когда вышел курс «Le russe en rйvolution», я уже работал в Сибири. По коммерческим соображениям на обложке нового выпуска указано только имя Любушкиной.

Не буду распространяться о моей «писательской» деятельности. Скажу только, что я печатался в парижской «Русской мысли», в «Континенте» и других европейских журналах.

Много кропотливого труда ушло у меня на статьи о некоторых произведениях русских философов в «Encyclopedie des Oeuvres» (Presses Universitaires Париж 1978)

Я сочинял ради того, чтобы осовременить методы преподавания русского языка. В статьях же я давал волю юмору или необходимости документально и рельефно передать новое.

Важная бытовая деталь. Мы, священники, одевались в штатское, и только крестик на лацкане свидетельствовал о нашем духовном звании. В государственных институтах я был простым штатским. Однажды я приехал в Polytechnique, надев мой пиджак с крестиком. К счастью, зашёл в туалет, где увидел собственное отражение в зеркале, и быстро снял его. Ведь я мог подвести начальство, принявшее священника в преподаватели. А для Сен-Жоржа это был бы материальный урон: я приносил ему существенную финансовую помощь.

Интенсивные курсы

В самом Сен-Жорже я устроил интенсивные курсы русского языка для начинающих. Учеников было много: дипломаты, бизнесмены, военные атташе, техники, два космонавта (Эньре летал с русскими) и другие. Учились у меня японцы и южные корейцы, арабы, которым тогда не разрешалось учиться в СССР.

С течением времени, когда контингент эмигрантских учеников стал уменьшаться, мы стали организовывать курсы погружения в русский язык и культуру. Нам помогали эмигранты, сначала второй, а затем третьей волны. Они за скромную мзду целиком отдавали свои силы и таланты нашим студентам.

Объём моих воспоминаний не позволяет мне упомянуть и охарактеризовать целый ряд отличных и самозабвенных сотрудников. Они не считались со временем, праздники, угощение устраивали «на свои». Ограничусь одним примером широкого бескорыстия русских. В беду попала одна молодая девушка, из советских. Вовсе не зная её, я предложил ей поехать с нами на Женевское озеро,

где мы устраивали очередной курс русского языка. За работу я вознаграждал её, как других. На обратном пути мы обычно запасались вином в погребах Бургундии. Хозяин дал нам отведать лучшего своего старого вина. Мы купили несколько бутылок подешевле. Девушка покупает две очень дорогие бутылки и вручает их мне. На эту покупку ушёл почти весь её первый французский заработок.

Другая девушка отважилась подработать на парижском «тротуаре». Заняла чужое место. Её избили. В полиции она указала наш адрес, и её привезли в Сен-Жорж. Дверь моей комнаты выходила прямо во двор. Она входит со своей сумочкой и просится переночевать. Было уже поздно. Все комнаты были заняты. Я позвонил своим знакомым соседям, просил дать мне приют на ночь, и предоставил свою кровать нежданной гостье. Утром в моей комнате её не оказалось. Года два-три спустя, стучится ко мне изящно одетая дама с большим букетом роз и полными пакетами. Не только её льняные волосы, но и умудрённое смирение привели её под венец с богатым французом, и первым делом она сочла необходимым порадовать меня своей улыбкой.

Важным упражнением в языке был театр и доклады. В первые годы курсов театром у нас заведовали некогда известные в России актёры Павловы. После них неутомимыми организаторами спектаклей стали супруги Лев и Наташа Круглые, и Галина Викторовна, супруга писателя Виктора Некрасова. Сам её муж неоднократно выступал с докладами о политических событиях в России. Пусть простят мне Лев Борисыч и Наташа, что я ограничусь лишь беглым упоминанием их имён, этих замечательных и самозабвенных сотрудников и, главное, дорогих мне друзей. Как жаль, что не сохранилась запись пьесы «Фиктивный брак», которую Владимир Войнович написал для них. В ней подлинно гоголевские смех и слёзы!

Два года провёл у нас писатель Юрий Мамлеев с женой. Он любил говорить мне об индийских учениях. Как раз в это время мне пришлось писать статью на эту тему, и меня, лингвиста, просто удручала сложная терминология, которой в Индии придают некое мистическое всемогущество. Диалога в этой области у нас с ним не получалось. В его рассказах меня смущало, что его персонаж-мертвец описывался.

Недостаёт места, чтобы привести живые характеристики премногих представителей новейшей эмиграции, нашедших приют в Сен-Жорже. Бесконечно я им всем обязан их дружбой и помощью в работе с нашими студентами.

Моими соседями по комнате были милейшие супруги Леонид и Ирина Шур. Профессор, специалист по Южной Америке, Леонид когда-то информировал самого Брежнева о ситуации в тамошних странах.

Когда семейство профессора Шура приобрело в Медоне дом, их комнату в течение двух лет занимала редактор «Русской мысли» Ирина Иловайская. Полиглот, в Америке она вела переписку Солженицына. Привезла в Медон автомобиль и сохранила на нём номерной знак писателя.

О неформалах рассказывала нам искусствовед Ирина Борисовна Баскина. Первую заграничную выставку своих картин устроили супруги Рабины с сыном у нас в Сен-Жорже. До этого я побывал на их московской квартире. Тогда среди иностранцев было модно непременно побывать у нелегалов нелегально.

С удивительно ясной и подлинно русской интонацией вела уроки казашка Шолпан, гид франкоязычных президентов. У меня есть фотография: на ВДНХ ей дарят цветы Горбачёв. В Париже она вышла за профессора. До венчания в Риме её крестил сам Папа Иоанн XXIII.

Супруги Круглые привели ко мне Булата Окуджаву с женой. Гостей собиралась полная комната. Булат впервые исполнил песню в память о только что ушедшем из жизни Высоцком. Потом в Москве рассказывал, какое сильное впечатление произвела на него встреча у моего камина.

Когда он приехал лечиться в Париж, заехал пройтись по парку Сен-Жоржа. На следующий день его не стало.

Был я дружен и с писателем Владимиром Емельяновичем Максимовым. Он охотно принимал наши приглашения читать доклады студентам. Я, как мог, умирал его слишком уж пессимистические настроения, которые не оставили его и с наступлением перестройки. Выступали у нас и супруга Синявского, литературовед Эткинд. В ожидании американской визы провёл у нас некоторое время византолог Каждан. Свои советские антирелигиозные книги он мог увидеть и в нашей библиотеке.

О писателях первой эмиграции

Журналисты пристают ко мне, прося рассказать о моих встречах со старыми русскими писателями и поэтами. Но это уже особая статья. Скажу только, что я слушал Бунина в его приезд в Париж со средиземного Антиба. Перед многочисленной русской публикой в Саль Плейель он читал нечто сладострастное из какой-то повести. Из бокового кармана вынимал флакончик и наливал в стакан вместо воды.

С ним самим я не был знаком, но после его смерти бывал у Веры Николаевны. Я сохранил подаренные мне ею «Избранные стихи» Ивана Бунина с надписью: «Дорогому Отцу Алексею с пожеланием успехов в его прекрасном деле». (Мой компьютер не признает её «ятей» и «и с точкой»).

Знал ли я Бориса Зайцева? Да, приглашал его прочесть доклад нашим иностранным студентам. Он привёл несколько страниц из воспоминаний, а в беседе заявил, что он - русский писатель, и французский язык ему не нужен. Среди слушателей сидели и французы.

Сейчас в России наблюдается интерес к авторам первой эмиграции. В общем, мои русские молодые современники читали их редко и даже игнорировали. В библиотеках их книги стояли на полках неразрезанными. Кроме Бердяева, кого они знали из философов? Шпета, Франка, Ильина или Вышеславцева?

Не все молодые соглашались с высказываниями философа протоиерея Василия Зеньковского. Он руководил русской студенческой организацией РСХД. Любил повторять и писать: «Нам чуждо...».

У нас в Медоне состоялось ежегодное собрание этой организации. Чувствовался религиозный подъём, молились, исповедовались и рассуждали о том, что смогут предпринять для оживления своей деятельности на службе Церкви православной. На следующий день, после Литургии и общей трапезы, явился отец протоиерей. Сел за стол, вынул часы, и в кратком слове заявил: «Вы заразились католическим активизмом». Уехал.

Холодный душ! Неужели он не внял дуновению Святого Духа, подумал я.

Родители и писатели слишком уж идеализировали Россию, представляя её молодым райским краем. Наш ученик N. поступил в германскую армию воевать против коммунистов. Дошёл до Ржева. Приезжал в Брюссель в отпуск. Выступая на эмигрантском офицерском собрании, он ошеломил всех: «Россия – это гадость! Всюду грязные дороги, нет туалетов, нет ни электричества, ни водопровода!»

Не мало «возвращенцев» возвратилось во Францию.

Зимние и летние лагеря

Вернусь к жизни Интерната. Научные занятия не препятствовали моей работе с мальчиками в Сен-Жорже. Программу средней школы мы дополняли уроками по русской культуре. В доме висели географические карты СССР, политическая и физическая. Шли уроки по литературе и истории России. Мне помогали преподаватели-эмигранты, некоторые из парижской Русской гимназии и поэтесса Людмила Брижатова. Оркестром и хором заведовал Павел Федорович Волошин, плясками занималась мать Марины Влади. Подготовка должна была быть серьёзной, почти профессиональной, так как мы ставили спектакли на городских сценах, а позже на подмостках иностранных театров Голландии и Испании.

Неоднократно мы выступали на сцене Salle Iйпа, где на нашем концерте пел арии из «Бориса Годунова» певец Поляков, и дебютировала его дочь Мариночка. Она со своими сёстрами пела на наших праздниках. Старшая, талантливая актриса Одий Версуа умерла молодой. Младшая, поле смерти папы учила студенток танцам, только слишком не к месту поднимала ножки!

Интернат приобрёл ферму в трёх километрах от Женевского озера в городке Пюблие. Старшие спали в американских палатках. А я устраивался с малышами на сеновале. Потом власти потребовали помещать всю молодежь в прочных зданиях, и при помощи Ватикана и Министерства Народонаселения Франции, мы построили большое здание с прекрасным видом на озеро и на противоположный город Лозанну.

Начались экспедиции на альпийские высоты. Первоначально это были поездки на автобусах. Для Швейцарии мы доставали коллективные паспорта. Но люди переходили границу и в одиночку, без багажа, и пограничники не обращали на них внимания. Мне не хотелось каждый раз доставать пропуска. Доезжая на автобусе до границы, имеющие паспорта забирали в свои рюкзаки вещи мальчиков без бумаг. Те просто, как все купальщики, бросались в озеро в трусиках и переплывали в Швейцарию. Там мы их одевали. Однажды говорю одному малышу: «Возьми батон и иди, тебя мама послала за французским хлебом!»

Ехали мы на автобусе в Женеву. Коллективный паспорт был ещё действителен. Переезды детей тщательно контролировались. В военное время французы усыновляли, и даже крестили еврейских сирот. После войны уцелевшие родственники отыскивали детей-сирот. Мы отдали нашего Кичина его дяде. В коллективном документе у нас фигурировали нефранцузские, русские фамилии, и две еврейские. Пропустят без скандала? Подъезжая к заставе, мы громогласно запели матросскую песенку «Il йtait un petit navire» (Был один небольшой корабль), помахали весело пограничникам, и те с улыбкой приветливо ответили и, пропустили.

Организатором смелой поездки был директор Интерната отец Майё. Иногда чересчур ревностный монах, он был великим комбинатором. Спасал своё детище в самые критические минуты. При немцах перевёз в Париж всё имущество Интерната в полупустующее здание отцов-иезуитов, принял в дом еврейских детей, купил медонский дом и парк, устраивал концерты по европейским странам. Это он затеял дом на Женевском озере. Именно он вызвал из Рима на работу в Интернате Святого Георгия, меня, ещё молодого послушника.

По Швейцарии я ездил с мальчиками автостопом. Отправились однажды в поход на Dent du midi. Высота 3000 метров. Спали мы в хлеву, над коровами. В горах у каждой коровы на шее висит не колокольчик, а целый колокол. Как заснуть под непрерывающийся концерт, ведь корове всё время надо мотать головой? Дошли до вершины. Хотя и лето, на обратном пути идёт снег. Дороги не видим, но вдруг впереди замечаем вдалеке электрический свет. Швейцарцы строят ГЭС. Инженеры принимают попавшую в беду «экспедицию». Накормили, согрели, уложили в чистой спальне, а утром спустили нас вниз подземной канаткой.

Голосуя, едем в Берн. Сборный пункт – тротуар перед вокзалом. Я всегда замыкаю шествие каравана. На вокзале мои туристы уже сидят на указанном месте. Весело едят шоколад. Это от прохожих. Город тогда был скучный, одни богатые особняки. Заходим посмотреть почту. Всё сверкает чистотой: столики, сиденья, пачки разноцветных бланков. Берём несколько штук на память. На нас смотрит швейцарка: «Положите обратно! Вы забираете федеральное имущество!»

Маленькая страна, уость, вот чего не простит потом Швейцарии великий Солженицын!

Зато вечером, уже в другом месте, великодушно принимает нас на ночлег фермер. С удовольствием вся его семья смотрит, как мы с аппетитом уплетаем их домашние колбасу, ветчину и сыр. Устроили нас на сеновале. Хозяин просит не курить. Просыпаюсь, слышу запах кофе. Хозяин ходит вокруг сарая. Мы ещё спим, а завтрак стынет.

В походах я был неутомим. Не всегда считался с хрупкостью подросткового организма. Некоторые перестали интересоваться моими походами к ледникам.

Позже мы водили по вершинам гор и студентов-стажёров. Возили своим микроавтобусом к подножьям гор. Вставали очень рано, чтобы видеть восход солнца, озаряющего Монблан. Гуськом поднимаемся по опасному гребню скал. Посреди вереницы карабкается парижская модница. В поход надела плотно облегающие тело красные брюки. Вдруг штаны у неё лопаются в самом деликатном месте. Вперёд, вперёд! С вершины горы открывается панорама золотящихся на солнце ледников. Перекур, чай из термосов. На обратном пути мы шагаем среди пасущихся коров на многоцветном альпийском лугу. Наша парижанка поскользнулась и села в большую коровью лепёшку. Штанам снова не повезло. Завтракать с нами в кафе не пошла, осталась сидеть в автобусе.

На стажировки для разговорной практики я приглашал советских людей, проживавших по особому приглашению у своих парижских родственников. Я пополнял их скудные валютные запасы.

Вёз я двух девушек на Женевское озеро, где проходил наш летний семинар. Едем по шоссе, с одной стороны - Швейцария, с другой - Франция. Хочешь в Швейцарию, поворачивай налево, во Францию – направо. Нам надо было передохнуть, оправиться. На швейцарской стороне – кафе. «Заскочим на чашку кофе», - предлагаю своим спутницам. Те не желают выйти из машины. Одна говорит: «В Москве мы дали расписку о невыезде из страны, для которой нам дана виза. Вдруг кто-нибудь нас сфотографирует, что будет с нами дома?» Разве и в этом глухом месте могут их засечь свои же?

Слалом

По окончании войны я сразу начал организовывать горнолыжный спорт. Лыжи и ботинки я покупал на парижском блошином рынке. Один румынский эмигрант,

мастер лыжного спорта, согласился поехать с нами в качестве инструктора. Подъемников тогда ещё не существовало. Четыре-пять часов поднимаемся на вершину пару тысяч метров. Нести продукты и лыжи тяжело. Зато мы попадаем на солнечные просторы девственного снега. Потом спускаемся, летя вихрем, и скоро мы уже внизу.

В одну зиму снег был только на большой высоте. Подъем был очень утомительный, трудно было шагать по замёрзшему снегу. Кроме лыж мы несли с собой, как всегда, свои балалайки. У деликатного Реутского – слезы на глазах, он готов бросить свой любимый инструмент. В убежище уже много лыжников, но хозяева не могут оставить нас на ночь наружи. В столовой перед едой мы поём молитву. Гам публики затихает. Спим на соломе вповалку с лыжниками. Они шумят со своими подружками, те хихикают, спать не дают. Рядом со мной лежит здоровяк Волконский. Я ору во всю глотку: «Заткнитесь, а то будет мордобой!». Затихают.

Вечером на следующий день появляются лыжники, статные молодые немцы. Куда их занесло из Германии в такую глушь? Мы поняли потом. Во время войны здесь действовали партизаны, и они не смогли их одолеть. Пожелали посмотреть, где проливали кровь их товарищи.

За пребывание в убежище хозяин взял с нас умеренную плату. Наше присутствие оказалось для семьи благом. Наша музыка оживила их нелёгкое горное существование. А смелое молитвенное пение создавало на базе какое-то благодатное для всех успокоение.

В Австрии

Владелец одной турфирмы, господин Годар, нанял поезд для лыжников шикарного восьмого парижского района. Для рекламы среди богатых католиков он указал, что с молодежью поедет священник. Узнав обо мне, пригласил меня в свой роскошный кабинет. Кресла, диваны, сигары, виски. «Я, как католик, возьму за символическую плату тридцать ваших русских учеников!». Я, естественно, согласился.

Разумеется, выгодный курс франка позволил ему заполнить вагоны не только католической молодежью. В земле Форальберг им было нанято несколько гостиниц.

В канун Рождества в одном большом зале был устроен бал. За десять минут до полуночной рождественской службы один из лыжников поставил посреди зала стол, и стоя на нём громко объявил: «Сейчас в храме начнётся служба. Идём!» Все толпой пошли за ним. Церковь уже полная местным людом, до отказа заполнилась молодёжью. Хоры, лестница на хоры, всюду народ. Я облачился, священник попросил меня сказать проповедь по-французски и по-немецки. Прерванный бал потом продолжался до утра. Смелая инициатива одного!

Господина Годара обвинили в валютных махинациях, и он получил какой-то срок. Мне понадобилось искать в Австрии другую лыжную базу. В новой группе наших мальчиков не все имели паспорт. Для его получения необходимо было согласие отца. Бросившие семью родичи не реагировали на наш запрос. В сейфе Интерната хранились паспорта тех, кто с нами не поехал. Я беру один паспорт и говорю мальчику: «Ты – Иван Петров. Повтори! Не забудь!» Другому даю паспорт Александра Семёнова, и т. д. Молодцы, ни один на границе не подвёл!

Франкистская Испания

В Риме русский язык изучал испанский иезуит отец Мурильо. Потом в Мадриде он создал русскую библиотеку. Я посылал ему из Парижа советскую литературу. Это было при Франко. Все книги доходили. Не пропускали только газеты и иллюстрированные журналы. Небольшими пакетами я смог переслать ему всю «Советскую Энциклопедию». По всей вероятности это он посоветовал отцу Майё, директору Интерната, устроить для учеников поездку в Испанию. Конечно, не для всех, а только для ансамбля, тридцать мальчиков плюс Майё и я. Путешествие накладное: поездка и питание. В некоторых местах нам обеспечивали бесплатный ночлег в католических интернатах. Места там были, так как поездка состоялась летом. Мы оплачивали все необходимые расходы сборами от концертов, только с карманными деньгами было туго: наши артисты быстро истратили франки, привезённые с собой.

Испания ещё не совсем тогда оправилась после гражданской войны. На некоторые продукты ещё существовали карточки. Мы возили с собой бидон оливкового масла. С непривычки к его горьковатому вкусу мы все переболели. Нас тошнило при одном только виде пирожного.

Отец Майё соединял приятное с духовным. Ему важно было познакомить православных учеников с богатством католического культурного наследия. По пути мы пели Литургию во французском паломническом городе, всемирно известном Лурде. В стране басков мы посетили замок основателя иезуитов Игнатия Лойолы.

Первый концерт мы дали в городе Сан-Себастьян. Конферансье у нас был бойкий четырнадцатилетний Сергей Панченко. Он объявлял номера по-испански. В начале выступления наш оркестр исполнял бравурный марш Интерната Святого Георгия. Его автором был наш дирижёр Павел Фёдорович Волошин. Хор, оркестр и дирижёр уже на подмостках. Появляется Панченко и объявляет первым номером марш интерната и добавляет: «Эль композитор – Серхе Панченко!» Представляем себе выражение лица Волошина!

В Бильбао нас угостили обедом в одной молодёжной организации. Чтобы поблагодарить их, мы устроили для них концерт из наших песен. Баски аплодировали. Потом слушатели собрались и запели сами. Зазвучали тенора, прогремели баскские басы. Сбили с нас спесь. Это после наших-то триумфов в больших театрах басков. Надо отдать справедливость нашим артистам. Когда надо было показаться, они исполняли номера изумительно. Спектакли проходили с аншлагом. Испанские девушки ликовали, а потом на улице толпой обступали наших виртуозов. Газеты писали про нас.

Если хорошо помню, в Деве, где купаются мадридские аристократы, до спектакля один журналист взял у меня интервью. Я уже неплохо объяснялся на испанском языке, помогал французский, итальянский и латынь. Он держит в руках программу, я рассказываю о номерах. Кончился концерт, выходим из театра, а уличные мальчишки уже продают газету с описанием концерта. Сочинил до нашего выступления, и неплохо.

В Сантандере наш танцор Кабахидзе с таким азартом исполнял «Пляску Шамиля», что вдруг его не стало на сцене. Провалились подмостки, и артист с ними.

В индустриальном Хихоне иезуиты дали нам приют в своём колледже. Раньше это был кадетский корпус. В боях с красными кадеты сражались до последнего. С

субботы на воскресенье из ближайшего рабочего кабака были слышны громкие коммунистические песни. И это при Франко! Спрашиваю у одного из отцов-иезуитов, как такое допускается? «Пусть себе поют», - говорит он.

Из Хихона мы долго ехали в Мадрид. В столице мы, прежде всего, смотрели художественный музей Прадо. Голова кружилась от множества картин, особенно фламандских мастеров.

Возили нас и в Эскориал, огромный, строгий монастырь-дворец, бывшую резиденцию королей. Стоит это архитектурное чудо в пустынном месте.

Мы выступали на мадридском фестивале. Но время было рассчитано плохо. Центральная площадь кишела молодёжью. Начинаем концерт, а молодые испанцы шумят, играть не дают. Они хотят танцевать. Мы сошли со сцены.

Видели испанские деревни. Ничего общего не имеют с русскими. Всё каменное, улицы, дома. Окна украшены виртуозно выкованными решётками. На площади танцует пара: девушка гордо и величаво движется, а кавалер ей учтиво кланяется.

Самое сильное впечатление произвёл на нас город-музей на реке Тахо, Толедо. Мы посетили его старинные храмы, и, прежде всего, великолепный кафедральный собор, самый известный готически храм Испании. В нём мы пошли смотреть в сакристии картины Эль Греко и де Гойя. Мы осматривали замок Алькасар. Героическая защита его вошла в легенду. Замок не смогли взять красные. Мы видели его в руинах. Сейчас он восстановлен в прежнем виде.

Побывав в Барселоне, мы вернулись в Париж. Когда мы развозили мальчиков по домам, меня поразило, с каким восторгом они показывали друг другу свои улицы: вот наша булочная, вот где мы покупаем мороженое. А некоторые были горды своими дворами-колодцами, куда редко проникали лучи солнца. Для них это была своя Родина, здесь они родились. Россию любят, гордятся ею, будут посещать родные места славных предков, но кто из них стал «возвращенцем»? Зато они лучше поют старинные русские песни, и задорней играют на балалайках чем многие из тех, кого я слышу теперь по радио и телевизору.

Корни! Слышу разговор совсем маленькой девочки со своей французской подружкой: «Я хусская, пхавославная!». Она будет молиться в соборе Александра Невского, что стоит недалеко от Елисейских полей. В собор Парижской Богоматери войдёт, когда будет водить по городу советских туристов. Не надо отрывать детей от их корней, питать безотцовщину.

Если я и сделал для русских что-нибудь путное, так это то, что я удобрял и поливал их родные корни на чужбине. Они приносят обильные плоды и для французской культуры.

Семья Монтамбо

У католических священников-преподавателей существует обычай помогать другим священникам или заменять их во время каникул.

После войны случилось мне летом обслуживать один приход. По старинной традиции я должен был остановиться у местного дворянина, хозяина замка. Такие семейные замки с угожьями существуют в большом количестве и сегодня.

Радужно приняла меня семья Монтамбо, родители и трое детей: дочери Мари и Катрин, и сын Франсуа. Рады были, когда я приезжал к ним с нашими русскими подростками. Так получилось, что я стал близким другом всех Монтамбо, и остаюсь им до сегодняшнего дня. У них есть квартиры в Париже, но они часто проводят время в своих имениях, где имеется комната «отца Алексея».

Франсуа по наследству от дяди получил имение в Нормандии со старинным замком «Лорай». Правда, за наследование по косвенной линии надо было внести государству пятьдесят процентов стоимости имения. Таков закон. Продали богатую, старинную парижскую библиотеку дяди.

Лорай - красивый замок со средневековой дозорной башней. В большой зале, где обычно собирается вся семья, на большом камине высечен год – 1583. В книжных шкафах на полках стоят книги в кожаных переплетах – древние и новые. Можно листать все тома авторов, которых упоминает Александр Пушкин. Прочные стулья, кресла - восемнадцатый век.

Замок Лорай

Когда я писал докторскую, меня интересовало, по каким дорогам пробирался Фонвизин по Европе. Нашёл путеводитель 18-го века с картой европейских маршрутов. В одном альманахе была воспроизведена статья из Journal de Paris, в которой описывается коронавание Вольтера во Французской Академии. Тут я открыл, что статью газеты Фонвизин перевёл и выдал за свою.

Однажды у меня было несколько свободных дней, и я решил заехать к Монтамбо на рыбалку. У них есть большой пруд. Иногда можно услышать, что к французам нельзя приехать без предварительной договорённости. Телефона у Монтамбо не было. Под вечер я отправился к ним, и по дороге машина сломалась. Машину мне кое-как отремонтировали в одном селе, и приехал я на место далеко за полночь. Собаки лают, ставни открываются, и вся семья выходит встречать меня. Готовят ужин, подкладывают дров в камин. Всё это, особенно лай собак, напомнило мне то, что я читал у русских классиков. Зато в Париже, находясь в районе, где жил мой хороший знакомый, я имел неделикатность явиться в обеденное время. Жена была в ужасе: почему не предупредил. Разрезала-таки бифштекс на три части, но обедала с понурым лицом. Не хочу утверждать, что вся мелкая французская буржуазия такова! И в России ведь могут сказать: незваный гость хуже татарина...

Из-за детей, учившихся в Париже, в имение Монтамбо понадобилась прямая телефонная связь. Просто беда. Пьём в саду кофе, беседуем, и вдруг звонит телефон. Беседа прерывается. Один из нас бежит, пока добежал, телефон замолк. Нервотрёпка. Для меня это и сейчас осталось по-прежнему: пишешь статью,

снимай трубку, забываешь гениальную идею. Пока сочиняю проповедь, тебя спрашивают адрес человека. Забыл, бросай всё, ищи. А неутомимый мобильник? Не отдохнёшь на лоне природы, ведь самому нужна позвонить. Электронная почта? Выбери сто предлагаемых услуг. Читатель, тебе всё это известно.

О техническом прогрессе. Маленьким мальчиком я шёл по мосту с дядей. Появился автомобиль. Я закричал в страхе оттого, что он нас убьёт. Сейчас волей-неволей я примирился с мобильником за рулём. Едем из Ниццы в Париж, моя сотрудница Марина Любушкина с дочерью и внучкой, совсем ещё малюткой. Выехали поздно. Надо ночевать в гостинице. Купили справочник с указанием попутных гостиниц. Звоним в одну, мест нет. Во вторую, мест нет. В третьей остался один номер, бронируем, расплачиваемся по Интернету. Вдруг – большая пробка. Опоздываем в гостиницу. У Марины одна рука на баранке, в другой – телефон. Отменяем заказ. Покидаем автостраду. Заезжаем в город Турнюс. Там новый Hilton, есть места. Звоним в Париж, что опоздываем. А не было бы мобильного? Тут я вспомнил своё детство. Едем в гости в открытом тарантасе. Стук подков лошадей. Неважно, что пыль, что трясёт. Отгоняй слепней. По дороге приветствуют прохожие. Поёт пастушка. Слышим запах скошенной травы, журчит ручей.

Я привозил в Лорай москвичей. Они думали, что показываю им музей. Хозяйка – выпускница элитного агроинститута. Сама доит коров. Если бы с мужем не любили свою землю, давно бы продали всё и поселились в городе. Социалистическая политика давит мелкого и среднего землевладельца. Сократили квоты на молоко – пришлось продать часть скота по дешёвке. Увеличили квоты, понадобилось покупать коров, но стоили они уже дороже.

Правда, ежедневный сбор молока и определение его жирности идеально организованы, а выплата ведётся автоматически.

Их дочь Сильви сделала мне сюрприз, посетила в Новосибирске. По поручению французской организации по разведению племенного скота ездила в Туву.

Монтамбо не забывают меня. К празднику Рождества покупают для меня, то есть для нашей библиотеки в Новосибирске, дорогие новые исторические и литературные издания.

Друзья

Христос обещал: «Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца или мать... ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф 19, 29).

«Во сто крат» я получил братьев и сестёр. Я говорил о Монтамбо. Принимали меня, как своего, и супруги Леклер. Господин Леклер, один из четырёх директоров автомобильного завода «Пежо», под Новый год одевал меня с ног до головы в лучших парижских магазинах. Хотя сам агностик, приглашал меня на свою бретонскую дачу.

Господин и мадам Капель, родители Марины Любушкиной (это фамилия её покойного мужа) нанимали летом особняки в лучших курортных городах, в океанских Карнаке и Сен-Жан де Лу и в средиземноморском Сен-Тропе. У них меня всегда ждала комната.

Раньше ещё, в Бельгии, Илья Денисов возил меня в Арденны, где у жены была гостиница.

В Москве художник Алёша Каменский, сын поэта-футуриста, при Советах имел смелость принимать меня и возить по запретным для иностранца местам. С его женой Мартой и сыном мы жили летом у одного колхозника в районе Тарусы. В их квартире, в доме Московского Объединения Художников, у меня была своя раскладушка. Дом этот, всегда охраняемый, стоит напротив посольства США! Пускать к себе француза, иезуита, могли рисковать только москвичи, как Алёша с Мартой. До этого я бывал у них в коммуналке. На кухне варят, стирают, купают в корыте детей, крик, шум, перебранки, всё «а ля Горький». Меня, дальтонику, не поражали картины Алёши, но зато ему и Марте я бесконечно обязан многим, очень многим. У Марты была сестра Наташа, обе они – подлинно русские красавицы стиля модерн. А что сказать о мелодичном звучании московской речи всех членов семьи, хранителей чего-то неосязаемого!

Могу сказать, что Бог меня хранил. Из Тарусы мне надо было вернуться в Москву. Проводили меня до режимного Серпухова, в то время конечной станции электрички. Купили билет, посадили в поезд, и вернулись к себе. Сажу в вагоне, и тут из соседнего вагона выбегает молодой человек и кричит: «Товарищи, милиция проверяет документы!» Выскочил из поезда, а я – за ним. Поезд сразу тронулся, и я увидел в поезде милиционеров. Что делать? Зал ожидания – караван-сарай, стоит милиционер. Выйти на пустынную площадь – меня, постороннего, тут же заметят. К счастью, подали последний состав. На каждом полустанке стояло по два человека в милицейской униформе. Войдут в вагон? На сороковом километре я вздохнул. Был в зоне, разрешённой иностранцам.

Рассказать обо всех тех, кто за моё долгое существование оказался мне братом, сестрой? Приходится пропустить. Если Бог даст, напишу.

Но из московских друзей не упомянуть литературоведа Сергея Бочарова было бы непростительно. Встречи с ним среди знакомых в Париже или в Москве всегда были для меня праздником.

В Греции

Однако не могу не сказать ещё слово о французском писателе Александре Блоке, (сыне петербургского интеллигента), и о его супруге, художнице Наде. Саша – международный секретарь Пэн-Клуба (Jean Vlot – псевдоним).

У него особняк в уютном уголке Парижа. Там собиралась изысканная интеллигенция. Однажды за богатым столом я сидел рядом с Маргеритой Юрсенар, и к моему стыду, ничего из её произведений не читавший. Получилось то же самое, когда Саша посадил меня рядом с Амальриком.

Саша с Надей возили меня по гастрономическим, или литературным ресторанам. У них дача в Греции на острове Скирос. Пригласив меня, заказали билет на самолет до Афин, номер в гостинице, билет на самолетик до острова. Как всякий уважающий себя хозяин, Саша, хотя еврей, построил небольшую православную часовню. Надя – православная. Расписала часовню в современной манере. Её Христос, Дева Мария, ангелы поражают своей наивной красотой. Своё восхищение я выразил в посвящении к альбому Надиных картин.

По вечерам мы сидели в кафе города Скирос. По улице прохаживался благообразный монах с длинной седой бородой. «Это афонский монах - говорит мне один грек, ухмыляясь, - отдыхает здесь от своих аскетических подвигов». Его монастырь имеет на Скиросе земли с крестьянами.

Я присутствовал при освящении часовни. Возле неё пристроена моя «келья». Собралось множество народа. Я подавал священнику кадильницу. Когда этот почтенный иерей начал службу, толпа продолжала галдеть, как на базаре. Я вышел. Давал знаки руками, чтобы уgomонить их, ведь идёт служба. Они не понимали, чего мне надо, и продолжали свои беседы

Крестили ребёнка в монастыре на вершине города. Он необитаем, но красивый. Народу полно, внутри храма и на площади. Что делает поп, они не знают, всё время болтают. А главное, явился местный антиклерикал, друг отца младенца. Торжественно воссел на епископский трон.

После этих двух эпизодов до меня, наконец, дошло, почему в Парижском Православном Институте профессор Карташов с таким негодованием комментировал литургические нравы у греков. Например, как поп, входя, бросает зонтик и шляпу на Святой престол.

«Во сто крат»

Возвращаюсь к начатой теме. Бог даёт нам то, от чего мы отказываемся во имя Иисуса. Иногда, спрашиваем себя: неужели Божья забота может касаться самых простых житейских нужд?

Я преподавал в Интернате английский язык. Для совершенствования в нём, и для того, чтобы быть в курсе английских обычаев, я заменял летом священников, чтобы они могли отдохнуть, побывать у родных. В городе Рединг обо мне заботился один удивительный приходской священник, отец Донелли. К нему я мог приезжать каждый год. Он ввёл меня в английскую жизнь. Лучший способ узнать страну, это ездить на велосипеде. Однажды мы поехали на экскурсию на несколько дней. Ехали по пустому шоссе, и я попросил остановиться возле кустов, по малой нужде. Тут он испуганно останавливает меня: «Нельзя! Кто-нибудь снимет вас, и вы попадёте под суд. Приедем в город, там зайдём в «Public conveniences».

С тех пор многое в Англии изменилось коренным образом.

Отправляясь в Рединг в первый раз, я зашёл в медонскую табачную лавку, и купил несколько пачек самого дешёвого табака. Я знал, что в Англии табак дорог. По приезде в Рединг, я уселся в кресло, чтобы покурить. Потом заходит ко мне в комнату отец Донелли, и, стесняясь, говорит: «Извините, но ваш табак неприятно пахнет». Что-ж, ничего другого не оставалось, как курить во дворе под британским дождиком.

На следующий день я отслужил мессу в приходе. Мне прислуживал учтивый джентльмен. Прощаясь, он вынимает из портфеля коробку гаванских сигар. Я благодарю, и мимоходом говорю, что курю трубку.

На следующее утро приносит коробку трубочного табака. Так он и снабжал меня куревом до конца моего пребывания в городе.

Священникам нравились мои проповеди. В благодарность клали мне в карман конверты с фунтами стерлингов. Я запасся в магазинах вещами, которых мне недоставало в Медоне. Накануне отъезда я решил дать отцу Донелли оставшиеся деньги, по принципу, приехал без денег, уехал без них. Он согласился принять мои фунты, сказал только, чтобы один я дал кухарке. У меня был билет на автобус до лондонского аэропорта, авиабилет, всё, что необходимо.

Сажусь, чтобы почитать «Dailly Mirror», хочу набить трубку, а та пуста. Какой я идиот! Забыл про табак. Тут звонок. Почтальон передаёт мне пакетик. Друзья посылают мне две коробки моего табака «Three Nuns».

Отец Донелли устроил мне поездку на съезд католической интеллигенции, организованный Ассоциацией Ньюмэн. Съезд состоялся в университетском городе Бангор, на берегу Ирландского моря.

Приходит утром отец Донелли, весьма смущённый: «Не можете ли Вы устроиться где-нибудь на восемь дней? Ко мне приезжают родственники из Ирландии, и дом в Рединге будет полон». Что мне делать, вернуться в Медон раньше срока? Стук в дверь. Входит американский священник. Беседуем. «Вы были в Ирландии?» - «Нет!» - «Вы должны увидеть эту прекрасную страну!» - «Я езжу, куда меня посылают настоятели. Да и денег у меня нет». - «Так деньги я вам дам!»

Я сел на ночной паром. Не стал брать каюту. Сажу в шезлонг на палубе. Проходит матрос, и ведёт меня в свободную каюту, не будет же духовное лицо ночевать на открытом воздухе. Так я повидал эту католическую страну, где в городском транспорте со священников тогда не брали денег за проезд, и дама держала зонтик над моей головой у автобусной остановки.

«Домы» на колёсах

«Не заботьтесь, и не говорите: «что нам есть?», или «что пить», или «во что одеться?»... Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом» (Мф 6, 31).

Так жили отцы Сен-Жоржа. Меня одевали знакомые. Только, когда изнашивался мой подрясник, прибегли к услугам портного.

«И всякий, кто оставит дома...» (Мф 19, 29)

Я преподавал в институтах и организациях, разбросанных по парижским районам. Нужен был автомобиль. Интернат Святого Георгия не имел на это средств, но я никогда не оставался без машины. Всегда в нужный момент дарили. За пятьдесят лет у меня было десять автомобилей.

Расскажу только два случая, как они попадали в моё пользование.

Был у меня знакомый французский офицер N. Он создал крайне правую группировку. Его судили, и он сел на два года. Его жена, международная переводчица, устроилась в Женеве. У них было две машины, и они предложили мне одну до отбытия срока. Достался мне не только автомобиль, но и ключи от их виллы. Я ездил туда со студентами, в саду ели ягоды, жарили шашлыки, устраивали вечеринки.

Не прошло и двух лет, как мне звонит сестра Франсуа Монтамбо, Катрин. Они купили особняк в историческом центре Парижа. В гараже у них новый автомобиль «Пежо». Уикенд проводят у родителей. Хотят уехать, а въезд в гараж заблокирован чужой машиной. Вот и спрашивай у клиентов кафе на углу, чья машина? И так каждый раз. В самом Париже машина не нужна, хорошо работает общественный транспорт. Оказалось, что намного проще, брать машину на прокат, когда возникает такая необходимость. Тебе подают чистый, заправленный и безупречный автомобиль. Подарили свой «Пежо» мне.

Ездил я на этой машине, не помню, как долго. Возвращаясь с юга, я очень спешил, сильно превышал скорость, и перегрел мотор. Взял меня на буксир хозяин ближайшей СТО. Сразу делать ремонт ему некогда. «Видите, стоят клиенты! Кроме того, надо заказать в городе запчасти». Назначает предварительную цену за всё. Деньги очень большие. Назавтра у меня лекции. Спешу. Хозяин станции

предлагает мне продать машину. Я продал, но денег не получил. Судиться я не стал.

По возвращении мои студенты созвонились и сразу нашли выход. В Ницце стоит в гараже машина дедушки, которой он не пользуется. Так я привёз в Медон большую «Рено 16». Комфортная, в ней можно было славно выспаться. Для «духовных упражнений» я ездил на океан, молился, созерцал, в полном одиночестве вдали от всего.

О любви

Когда меня интервьюируют мужчины, их интересует моё партизанство, война, научная карьера. Дамы вежливо слушают, но их так и подмывает задать вопрос о сентиментальной стороне моей жизни. «Вы принесли обет целомудрия, как вы его соблюдали? Бесспорно, вы не бесчувственный женоненавистник. Это противоречит христианской морали».

Спасибо журналисткам, что напоминают о самом важном в жизни.

Много лет спустя я выступал в частом новосибирском институте. Слушатели – несколько парней, остальные – девушки с намалёванными глазами. Их интересует моя биография. Говорил о моих последних гимназических годах. Как бы, между прочим, сказал о том, что большинство из старшеклассников были девственниками. Это вызвало взрыв смеха.

Да, мы воспитывались в уважении к нерасторжимому христианскому браку. Всё, что ниже пояса, являлось табу.

Став монахом, я влюблялся. Много студенток, молодых преподавательниц жило или работало в Сен-Жорже. Были красавицы. Обнимался, целовался, но «Это» меня никогда не интересовало. Для меня существовал императив: есть предел с категорическим «Нет!»

Был влюблен в женщину: некрасовская русская женщина, волосы – золотое руно. Она мне много помогала, поддерживала, но «платоническая» любовь её не удовлетворила. Нашла любовника, и возненавидела меня.

В Англии я ехал на встречу католиков Ассоциации Ньюмэн, о которой я уже упоминал. В вагоне я почему-то сидел с грустным лицом. На меня обратила внимание одна миссис, оксфордская выпускница. Заговорила со мной. Началась дружба. Бывал у неё. Потом переписывались, она приезжала ко мне в Медон. Кроме пожатия рук ничего не было. Прошло несколько лет без писем. Вдруг получаю печатное известие о её обетах в одном строгом бенедиктинском монастыре. Я её искренне люблю, как и многих других.

Мне говорят: «Вы заставляли страдать».

Страдают люди не от добродетели, а от греха.

Мистика

Из сказанного мной вы уразумели, что я далеко не примерный подвижник, или мистик. Многих моих русских посетителей шокирует запах трубочного табака. На поминках выпиваю три рюмки, как все другие. В духовной жизни не стремлюсь постичь непостижимого.

Совершенно зря поспорил я когда-то в Медоне с московским другом, духовно многоопытным Сергеем Бочаровым о важности фаворского света в нашей жизни. Бурная дискуссия оказалась потом исторически значимой, раз о ней всё ещё помнят на берегах Сены. Не скрою, что виной было и бургундское, щедро

подливаемое хозяйкой в хрустальные бокалы. Сергей возмутился, когда я заявил, не помню, какой формулировкой, что сам фаворский свет Преображения Христа не отражается в моей духовной жизни. Однако продолжу. Различные дары Духа Святого, дарованные нам, не поддаются никаким рассудочным оценкам. Если «обожение» в перспективе фаворского сияния превосходит мои понятия и стремления, то я не должен не принимать других путей жизни во Христе, и ещё менее усугублять расхождения, в вопросах, так сказать, факультативных.

Уже позднее, в письме к Сергею, я затронул вопрос, включает ли в себя эстетический фактор в подражании Христу. Много пишут и говорят сейчас о «духовной красоте». Скажу, что термин «духовная красота» сопрягает различные категории мышления, этическую и эстетическую. Входит ли красота в благую весть Христа? Оказывается, что такого слова, даже и термина «красивый» в речи Христа нет, только о гробах Иисус говорит, что «снаружи кажутся красивыми» (Мф 23, 27). Тут Сергей пишет мне: «А полевые лилии?». Продолжу ли дискуссию? Уточню только. Когда Иисус говорит о лилиях, Он не говорит об их красоте, Его слова напоминают о том, что «Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них», для того, чтобы мы не заботились об одежде (Мф 6, 29).

Более того, во всём Новом Завете не найдёшь упоминания о красоте. Только Апостол Иаков в своём Послании говорит о красоте травы, но она исчезает, когда настаёт зной (1, 11). Симптоматично, что в русском переводе Первого послания Апостола Петра (3, 4) своевольно вставлена «красота» духа, термин, которого нет ни в греческом оригинале, ни в научных переводах. Его нет в Славянском тексте данного стиха.

Нет самой эстетики в древней Церкви, как нет и иконографии. Не отыщешь главы о красоте в знаменитом, многотомном «Dictionnaire de Spiritualite».

Всё, сотворённое Богом и человеками мы воспринимаем нашими пятью чувствами, и они, увы, земные, не всех приводят к Всевышнему. «Дух животворит, плоть не пользует нимало», - это слова Христа (Ин 6, 63).

Не буду вдаваться в рассуждения о благочестивой житийной литературе, даже если она не грешит агиографическими штампами, или просто легендами. *Admiranda, sed non imitanda* (Поражаться, но не подражать!), советовали нам духовные отцы. Могу ли трудиться на ниве Господней, питаюсь одним хлебом и водой, или лишаясь сна?

После всего сказанного вы спросите меня, чем я питаю свою духовную жизнь. Отвечу. Для меня важна ежедневная Евхаристия, медитация, то есть определённое время для молитвенного размышления над тайнами учения Христова, практически над текстами евангельскими или библейскими. Вечернее испытание совести, и, по возможности, частая исповедь. Если нет книги с собой, читаю «Иисусову молитву» или, аналогичную ей, «Богородичну». Стараюсь не пропускать молитвы общины. Раз в году, как все иезуиты, совершаю восемь дней духовных упражнений, молитвенного уединения. При всей моей недостаточности стремлюсь жить не ради себя, а ради ближнего. Основой духовной жизни считаю смирение перед каждым человеком.

В жизни всё у меня конкретно, даже евангельская проповедь с хлебом, виноградной лозой, плевелами, больными, грешниками и фарисеями. Теологи стремятся определить своей терминологией тайны учения Христова. Так несметное количество книг посвящено таинству Троицы, вопросу исхождения Духа Святого,

от Отца, или от Отца и Сына. Святые. Отцы Церкви разделили спор географически: на Востоке – только от Отца, на Западе – от Отца и Сына. Призывая Святого Духа, мыслю ли я о Его «исхождении»? Евангелие, благая весть Христова – дело детское, для нищих духом.

Духовные упражнения, о которых шла речь, начинаются с попытки осознать, кто я и каков я перед Богом и ближним: она готовит к исповеди. Человек просматривает всю свою жизнь и выявляет собственное несоответствие с целью своего существования, и старается поручить всё исповеднику. Как мы плохо знаем себя! Десять лет после новициата я совершал вторую исповедь всей жизни. Тут я убедился в своей ослеплённости. По словам Христа я оцепенял комара, а верблюда поглощал.

Случилось мне побывать в Сан-Джованни-Ротондо, в монастыре, где проживал тогда уже знаменитый своими стигматами, теперь «блаженный», Padre Pio. Священники могли исповедоваться у него. Я усовестился беспокоить его. В ризнице, где его одевали, стояли люди, а в углу сидел старенький священник. Я стал на колени и попросил его выслушать мою исповедь. Он слушал и вдруг при всех воскликнул: «Вы согрешаете тем, что вы сами подвергаетесь опасности согрешить!». Его отпущение моих грехов я ощутил, как призыв серьезней поразмыслить о себе. Мы всегда в пути.

Ещё мне хочется сказать о нашем ближнем. Мы все связаны некими неуловимыми нитями мысли. «Мысленная жизнь куда крепче реальной», - цитировали недавно в «Новом мире» слова Галины Щербаковой. Воистину, жизнь эта не знает пределов пространства и времени. То, что можно принять за простую случайность, может быть результатом импульса мысли. Вот один пример из многих.

Во время войны, как уже говорил, я учился в бельгийском городе Лувене. В один из дней рождественских каникул я зашёл в библиотеку и почему-то взял в руки однотомник Пушкина. В нём, в самом начале – поэма «Руслан и Людмила». Я вспомнил чешскую королеву Людмилу, бабушку святого Вячеслава. Несколько месяцев спустя, из Словакии приходит от сестры письмо, в котором она мне сообщает, что на Рождество у неё родилась дочка, и её назвали Людмилой.

И вот случай, который опять касается почему-то Чехии. Уже в Новосибирске вдруг, непонятно почему в голове зазвучал чешский гимн «Кде домов муй». В школе мы учили его наизусть. Это было так давно. Пою первую строфу, её только и знаю. Проходит несколько дней, и мне вручают с оказией из Рима конверт с долларами от одного чешского иезуита. Передача мыслей на расстоянии.

Связь невидимая, но реальная, проявляется в молитве. Она – единение между нами, и между небом и землёй. Она – уже исполнение

Конец Медона

С 1962 года учились в Интернате только мальчики начальных классов. Все другие стали посещать местный лицей. После революционного 10-го мая 1968 многое изменилось во Франции. Долго решалось, надо ли сохранить Интернат в таком облике, каким он был некогда затеян в Константинополе. После событий 1968 года во Франции новой учебной программой требовалось дифференцирование учебы, что финансово было нам непосильно. Школу-интернат пришлось закрыть. В то же время многие иностранцы приезжали в Медон для практики в русском языке. В 1972 году медонский дом превратился в «Центр по изучению русского языка» -

Centre des Etudes Russes. В Центр приезжали студенты из многих стран, но при Горбачеве Россия перестала быть закрытой страной. Всем стало возможным практиковаться в русском языке на территории России. Центр утратил свое значение, имение продано, а его Гагаринская библиотека перевезена в город Лион.

Существует ассоциация бывших учеников Сен-Жоржа. «Президент» - уже упоминаемый нами Жорж Мартиновский. А в листке «Тюбик» Николь Левант печатает вести о ветеранах Интерната.

В Новосибирск!

В течение двадцати лет я был в СССР «персона нон грата». До этого, по обмену советских и французских властей, я получил трёхмесячный грант на работу по Фонвизину. Меня приглашали на встречи с литературоведами, лингвистами. Обласкал меня академик Виноградов. Продлили мне визу ещё на два месяца. Для молодых интеллигентов я был редкой птицей. Образовался подпольный кружок. Быть в контакте со мной требовало больших предосторожностей. Мы нашли одну старушку. Её хибарка стояла на неосвещаемом пустыре. Она работала где-то ночным сторожем, и мы могли там общаться и молиться. Я уехал в Париж до того, как один из участников кружка успел донести на меня органам. Но до самой перестройки перестали выдавать мне визу.

При Горбачёве я смог поселиться уже свободно у моих Каменских. Их Алёшка с женой Катей заканчивали перевод моего «Фонвизина». Брат медонского профессора Леонида Шура, Евгений, человек со связями, обеспечил выход перевода моей книги: достал бумагу, заказал твёрдый переплёт. Его супруга, Наталья Фридриховна тщательно откорректировала машинопись. Молодец, ведь это было пятьсот страниц!

С Алексеем Васильичем Каменским и его Мартой мы побывали в Лужниках, где Ельцин ходил с мегофоном среди многочисленной публики. Там отец Глеб Якунин выводил меня с собой на трибуну. Говорил греко-католический священник, его верующие пели молитвы. Пора надежд и дружбы вечной!

Забыл сказать, что виделся с отцом Александром Менем. Это было ещё при Брежневле. Познакомила меня с ним скромно одетая прихожанка. На самом деле это была сотрудница посольства Франции, Ася Дурова. Она пересылала на Запад, среди других, и рукописи отца Александра. Он прошёлся со мной по тропинкам своего просёлка, но, не дойдя до полустанка, попрощался. Мы чувствовали себя сердечными братьями во Христе, отделёнными одними человеческими преградами.

Пришло четырнадцатое июля 1993 года, праздник Взятия Бастилии. На приёме в посольстве Франции я встретил московского католического епископа Тадеуша Кондрусевича. Мы подошли с ним к послу, моему знакомому. В разговоре с отцом-епископом я сказал, что всегда желал работать священником в России, и что я готов оставить для этого мои «учёные» занятия. Его преосвященство сказал мне важно: «Церкви нужны учёные!»

С католическим клиром в Москве я связан не был. Служил мессу у американского священника. У него я узнал, что в польском храме состоится богослужение по поводу открытия семинарии. Меня осенило поехать.

Кандидатов было семнадцать, приехали с родителями, сошлось много священников. После церемонии всех повезли в ресторан. Пригласили и меня. На закуску подали икру, копченья и соленья. В бокалы нам наливали ... соки. Кое-кто поморщился, и я среди них. Говорили речи, владыка Кондрусевич и другие. За

столом сидели новосибирский епископ Иосиф и провинциал Общества Иисуса. Без приглашения я встал и сказал: «Вот ровно шестьдесят лет назад я поступал в римскую семинарию Руссикум, с тех самых пор всегда мечтал о работе в России». Реакция епископа Иосифа была немедленной: «Хотите поехать к нам в Новосибирск? Мы создаём там предсеминарию, подготовительные курсы для будущих семинаристов». Вернувшись в Париж, я связался с настоятелями, получил разрешение, попрощался с моим Медоном. С чемоданом и компьютером я прибыл в Новосибирск. Мне поручили преподавание латыни и истории Церкви. Проповедовал в Соборе, тогда ещё небольшом деревянном строении. Приглашали меня в приходы. В это время ещё служили по-немецки, по-польски, по-литовски, по-русски и по-латински.

Урок в новосибирской предсеминарии

Эпизод

Сибирских эпизодов было предостаточно. Расскажу про один. Хоронил я прихожанку в райцентре Тальменька. Прихожу до выноса тела. Пою панихиду. Катафалка все нет. Застрял в сугробе. После часа трактор, наконец, вытаскивает его на шоссе. Ждём терпеливо, читаем псалмы. Свечей на панихиду не осталось, сожгли во время ночного моления. Потом были трудности с выносом гроба: коридор квартиры узок. Ждём на улице, мороз прихватывает. Наконец усаживаемся в «катафалк», допотопный автобус. Тряска невероятная. На кладбище пою «Вечную память». Опускают гроб, а он не помещается в яму, слишком она мала. А мы стоим и стоим, пока гробовщики долбят замёршую землю. Никому и в голову не приходит смотреть на часы. «Край родной долготерпения»!

Пока я не получил вида на жительство в Новосибирске, два раза ездил в Париж за визой в российское консульство. Теперь ездить во Францию мне больше нет необходимости. В Сибири Господь дал мне новых братьев и сестёр. Как я

награждён, что могу проповедовать благую весть Христа! Моя награда – эти сотни внимательных глаз, они трогают меня до слёз.

Конец и Богу слава

Слава Всевышнему за всё, за то, что не дал мне отпасть от Общества Иисуса, от которого я столько получил. Слава Всевышнему за Его долготерпение ко мне, столь часто сходявшему с пути заповедей Его.

Кончил, беру лопату, иду отгрести снег. Скоро оттепель, в нашем частном секторе «зацветёт природа вновь». Летом мне исполнится 90 лет.

Р. С. Январь 2008 г. Уже больше года помогаю в католическом приходе Святой Анны, в Екатеринбурге. Со снегом здесь не густо, лопата простаивает, но есть сугробы пастырской работы и новые, уральские, внимательные глаза.

